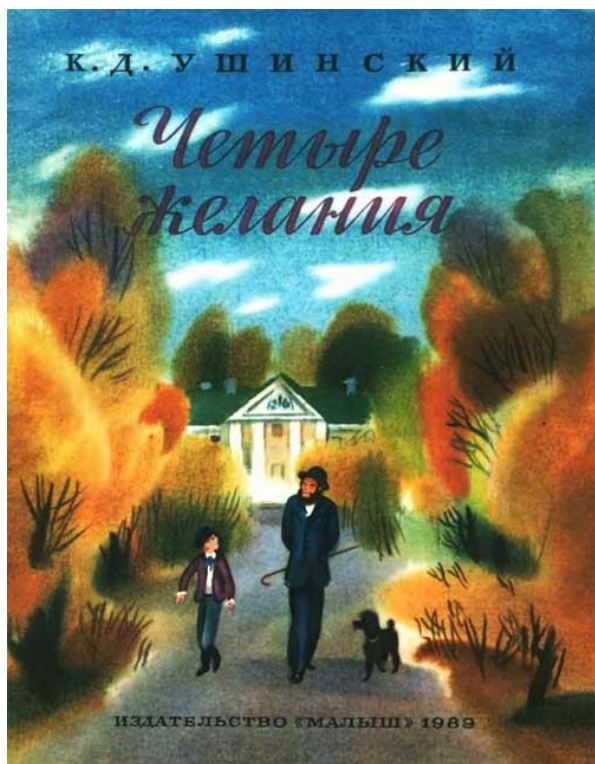

Четыре желания. Ушинский Константин Дмитриевич. Рассказ

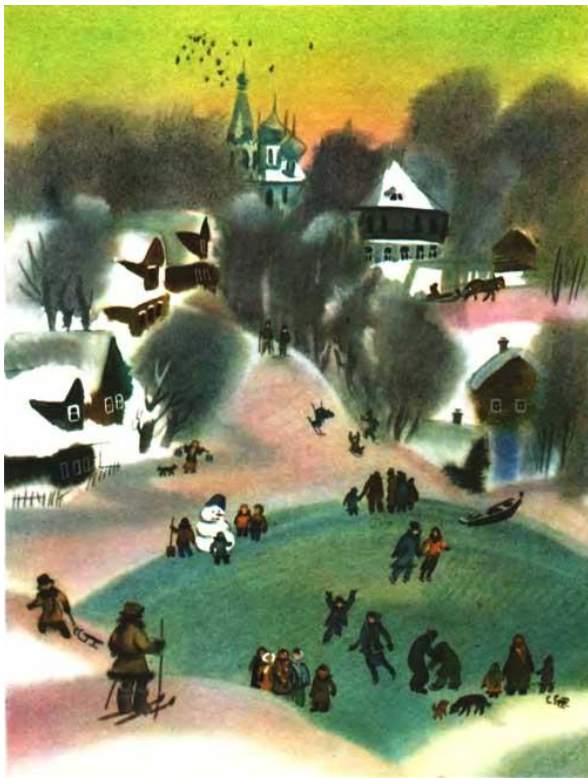

Митя накатался на саночках с ледяной горы и на коньках по замёрзшей реке, прибежал домой румяный, весёлый и говорит отцу:

— Уж как весело зимой! Я бы хотел, чтобы всё зима была.

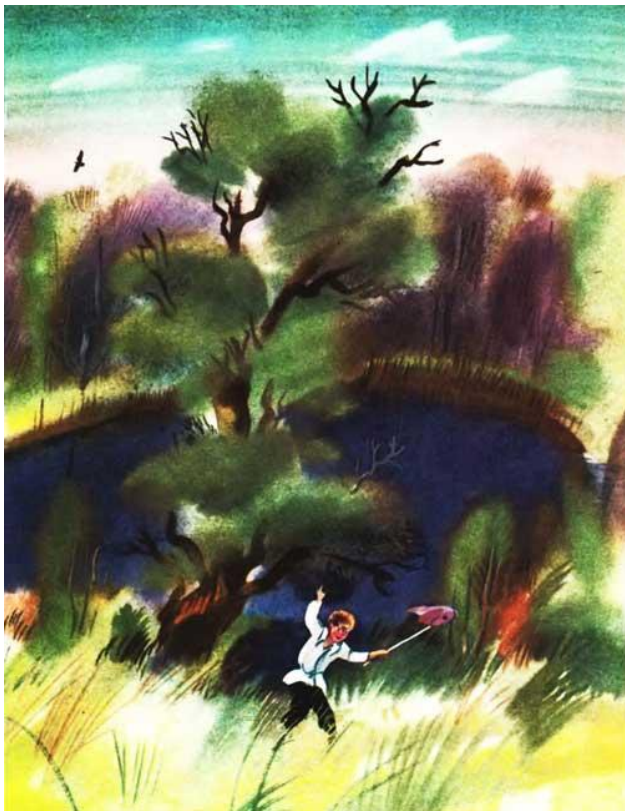

— Запиши своё желание в мою карманную книжку, — сказал отец.

Митя записал.

Пришла весна.

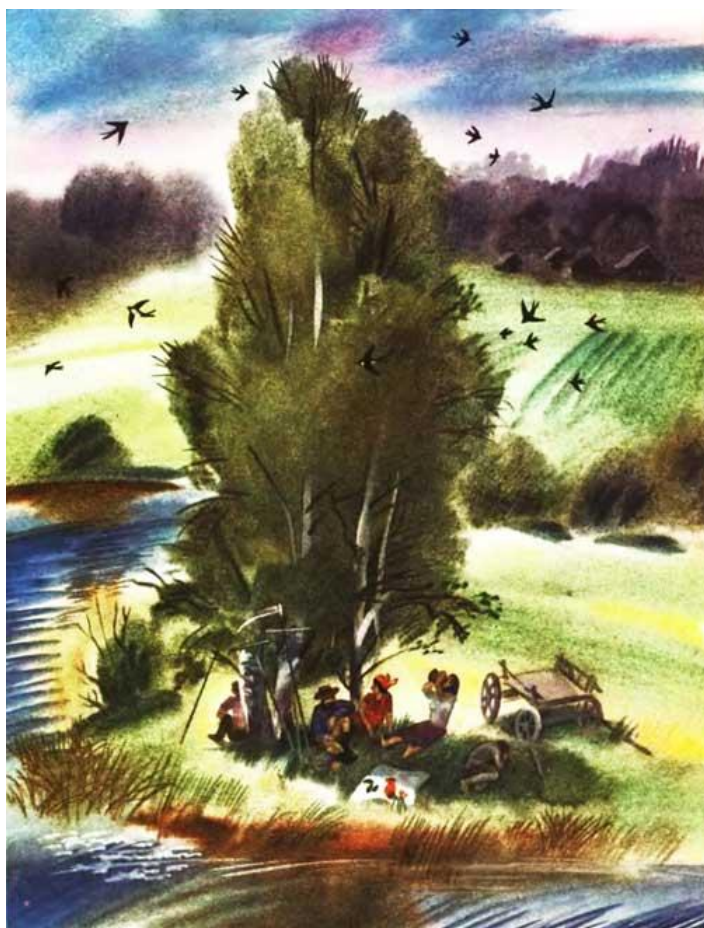
Митя вволю набегался за пёстрыми бабочками по зелёному лугу, нарвал цветов, прибежал к отцу и говорит:

— Что за прелесть эта весна! Я бы желал, чтобы всё весна была.

Отец опять вынул книжку и приказал Мите записать своё желание.

Настало лето. Митя с отцом отправились на сенокос.

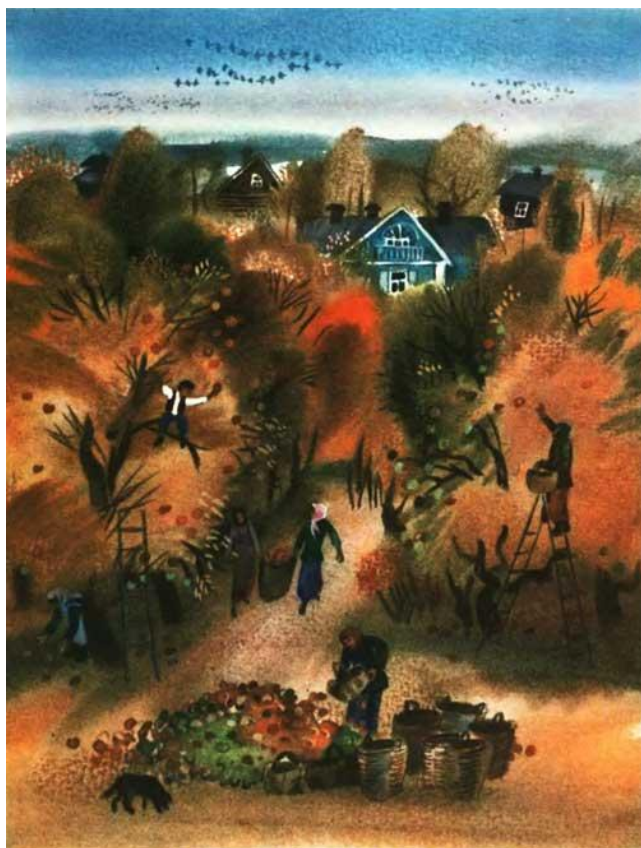
Весь длинный день веселился мальчик: ловил рыбу, набрал ягод, кувыркался в душистом сене, а вечером сказал отцу:

— Вот уж сегодня я повеселился вволю! Я бы желал, чтобы лету конца не было.

И это желание Мити было записано в ту же книжку.

Наступила осень.

В саду собирали плоды — румяные яблоки и жёлтые груши. Митя был в восторге и говорил отцу:

— Осень лучше всех времён года!

Тогда отец вынул свою записную книжку и показал мальчику, что он то же самое говорил и о весне, и о зиме, и о лете.

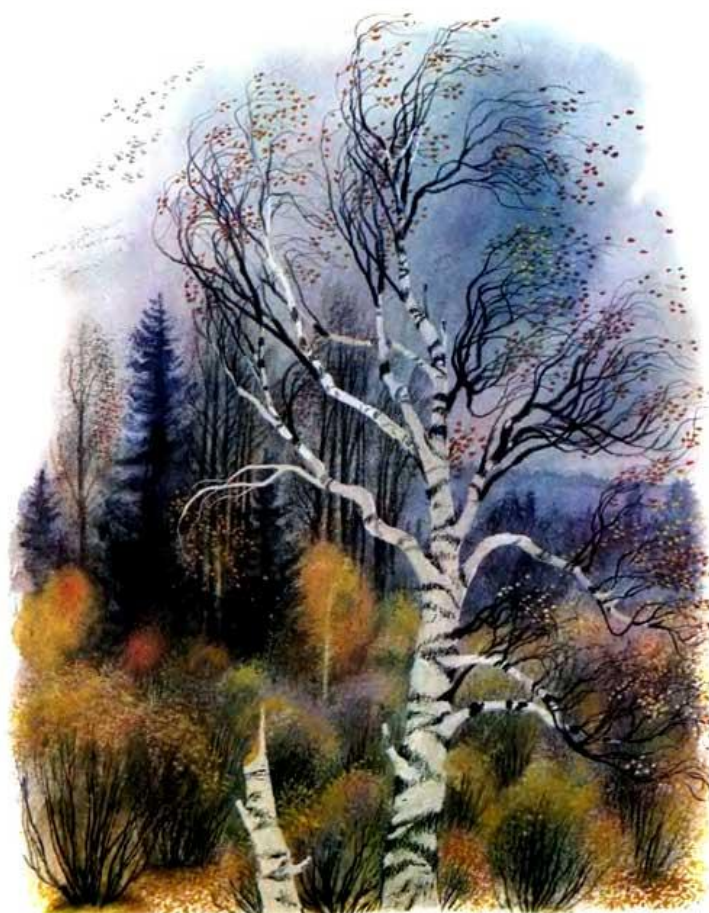

КОНЕЦ

Проказы старухи-зимы. Ушинский Константин Дмитриевич. Рассказ

Разозлилась старуха-зима, задумала она всякое дыхание со света сжить. Прежде всего она стала до птиц добираться: надоели ей они своим криком и писком.

Подула зима холодом, посорвала листья с лесов и дубрав и разметала их по дорогам. Некуда птицам деваться; стали они стайками собираться, думушку думать. Собрались, покричали и полетели за высокие горы, за синие моря, в тёплые страны. Остался воробей, и тот под стреху забился.

Видит зима, что птиц ей не догнать: накинулась на зверей. Запорошила снегом поля, завалила сугробами леса, одела деревья ледяной корой и посылает мороз за морозом. Идут морозы один другого злее, с ёлки на елку перепрыгивают, потрескивают да пощёлкивают, зверей пугают.

Не испугались звери: у одних шубы тёплые, другие в глубокие норы спрятались; белка в дупле орешки грызёт, медведь в берлоге лапу сосёт; зайка, прыгая, греется, а лошадки, коровки, овечки давным-давно в тёплых хлевах готовое сено жуют, тёплое пойло пьют.

Пуще злится зима — до рыб она добирается: посылает мороз за морозом, один другого лютее. Морозцы бойко бегут, молотками громко постукивают: без клиньев, без подклинков по озёрам, по рекам мосты строят. Замёрзли реки и озёра, да только сверху, а рыба вся вглубь ушла: под ледяной кровлей ей ещё теплее.

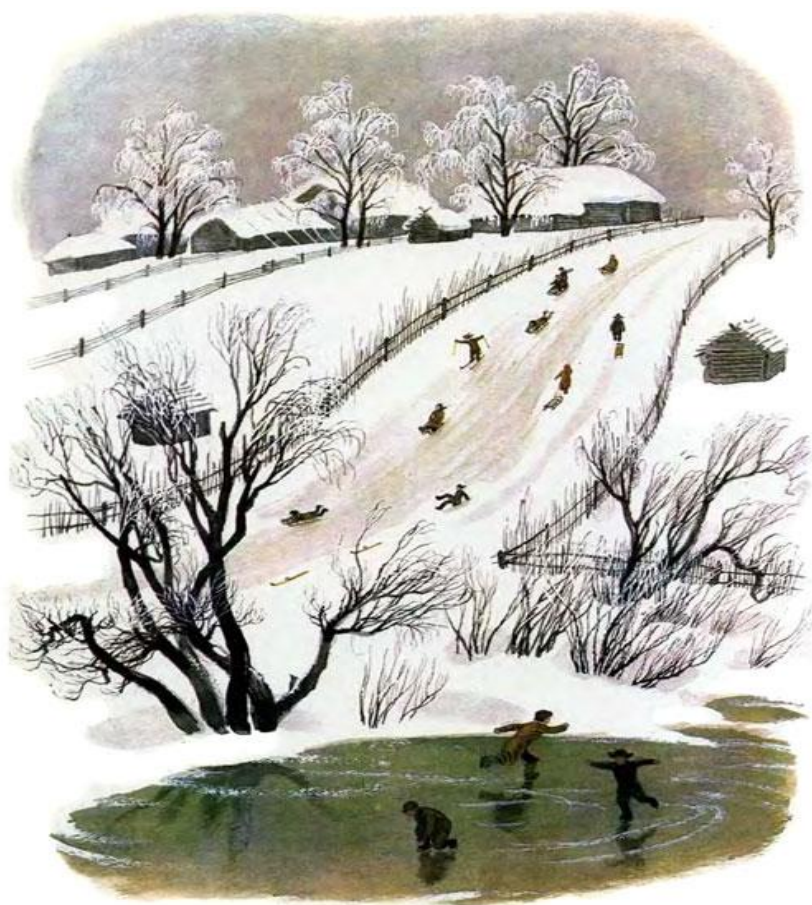
— Ну, постой же, — думает зима, — дойму я людей, и шлёт мороз за морозом, один другого злее. Заволокли морозы узорами оконницы в окнах; стучат и в стены, и в двери, так что брёвна лопаются.

А люди затопили печки, пекут себе блины горячие да над зимою посмеиваются. Случится кому за дровами в лес ехать — наденет он тулуп, валенки, рукавицы тёплые да как примется топором махать, даже пот прошибёт.

По дорогам, будто зиме на смех, обозы потянулись: от лошадей пар валит, извозчики ногами потопывают, рукавицами похлопывают, плечами подёргивают, морозцы похваливают.

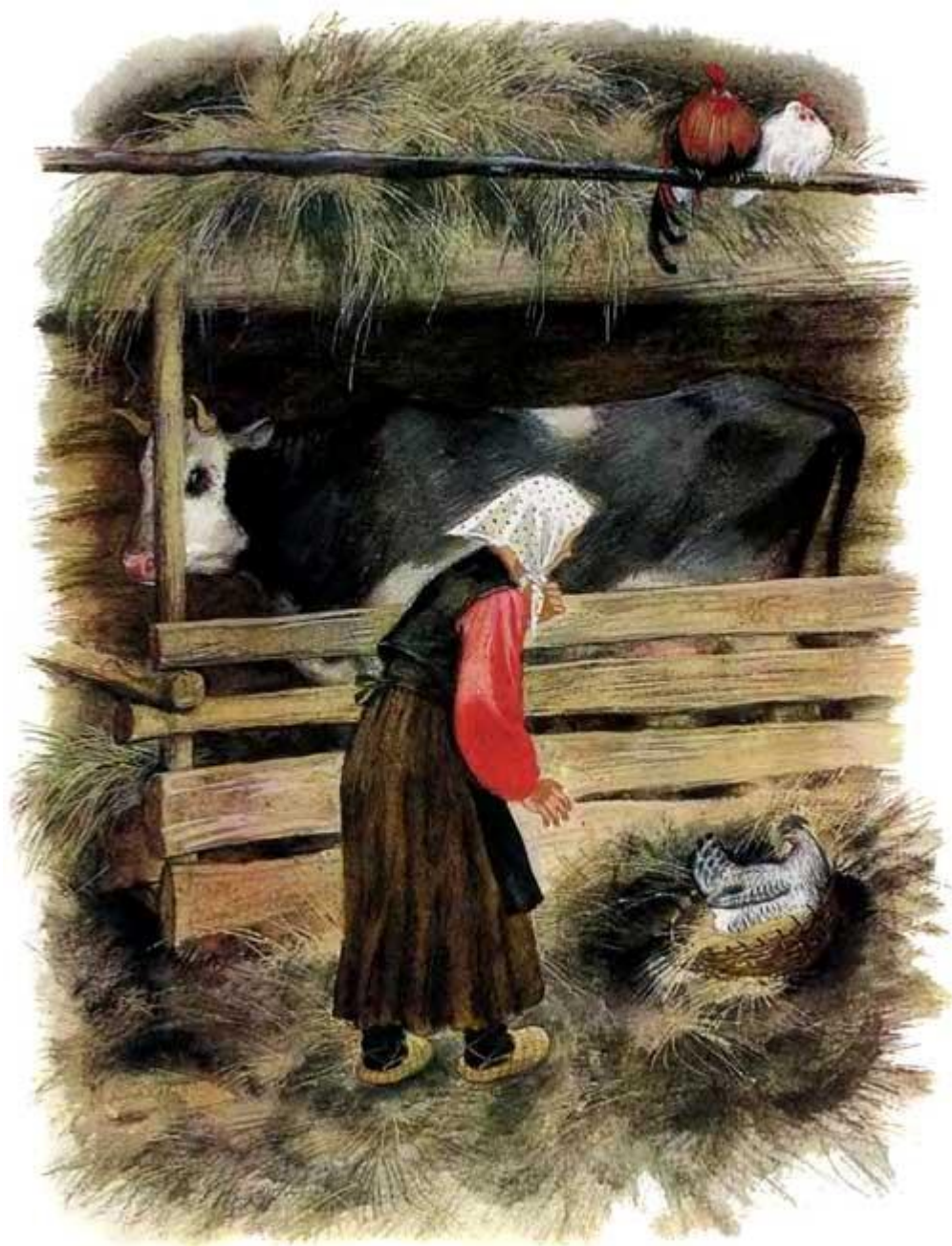
Обиднее всего показалось зиме, что даже малые ребяташки — и те её не боятся! Катаются себе на коньках да на салазках, в снежки играют, баб лепят, горы строят, водой поливают да ещё мороз кличут: «Приди-ка пособить!» Щипнёт зима со злости одного мальчугана за ухо, другого за нос, даже побелеют, а мальчик схватит снегу, давай тереть — и разгорится у него лицо, как огонь.

Видит зима, что ничем ей не взять, заплакала со злости. Со стрех зимние слёзы за капали... видно, весна недалёко!

КОНЕЦ

Чужое яичко. Ушинский Константин Дмитриевич. Рассказ

Рано утром встала старушка Дарья, выбрала темное, укромное местечко в курятнике, поставила туда корзинку, где на мягком сене были разложены тринадцать яиц, и усадила на них хохлатку.

Чуть светало, и старуха не рассмотрела, что тринадцатое яичко было зеленоватое и побольше прочих. Сидит курица прилежно, греет яички, сбегает поклевать зернышек, попить водицы, и опять на место; даже вылиняла, бедняжка. И какая стала сердитая, шипит, клохчет, даже петушку не дает подойти, а тому очень хотелось заглянуть, что там в темном уголке делается. Просидела курочка недели с три, и стали из

яичек цыплята выклевываться, один за другим: проклюнет скорлупку носом, выскочит, отряхнется и станет бегать, ножками пыль разгребать, червяков искать.

Позже всех проклюнулся цыпленок из зеленоватого яичка. И какой же странный он вышел: кругленький, пушистый, желтый, с коротенькими ножками, с широким носиком. «Странный у меня вышел цыпленок, — думает курица, — клюет, и ходит-то он не по-нашему; носик широкий, ноги коротенькие, какой-то косолапый, с ноги на ногу переваливается».

Подивилась курица своему цыпленку, однако же какой ни на есть, а все сын. И любит, и бережет его курица, как и прочих, а если завидит ястреба, то, распушивши перья и широко раздвинув круглые крылья, прячет под себя своих цыплят, не разбирая, какие у кого ноги.

Стала курочка деток учить, как из земли червячков выкапывать, и повела всю семью на берег пруда: там-де червей больше и земля мягче. Как только коротконогий цыпленок завидел воду, так прямо и кинулся в нее. Курица кричит, крыльями машет, к воде кидается; цыплята тоже перетревожились: бегают, суется, пищат; и один петушок с испугу даже вскочил на камешек, вытянул шейку и в первый еще раз в своей жизни заорал сиплым голосом: «Ку-ку-ре-ку!» Помогите, мол, добрые люди! Братец тонет!

Но братец не утонул, а превесело и легко, как клок хлопчатой бумаги, плавал себе по воде, загребая воду своими широкими, перепончатыми лапами. На крик курицы выбежала из избы старая Дарья, увидела, что делается, и закричала: «Ахти, грех какой! Видно, это я сослепу подложила утиное яйцо под курицу».

КОНЕЦ

Ветер и солнце. Ушинский Константин Дмитриевич. Притча

Однажды Солнце и сердитый северный Ветер затеяли спор о том, кто из них сильнее. Долго спорили они и наконец решились померяться силами над путешественником, который в это самое время ехал верхом по большой дороге.

— Посмотри, — сказал Ветер, — как я налечу на него: мигом сорву с него плащ.

Сказал — и начал дуть, что было мочи. Но чем более старался Ветер, тем крепче закутывался путешественник в свой плащ: он ворчал на непогоду, но ехал всё дальше и дальше. Ветер сердился, свирепел, осыпал бедного путника дождём и снегом; проклиная Ветер, путешественник надел свой плащ в рукава и подвязался поясом. Тут уж Ветер и сам убедился, что ему плаща не сдёрнуть.

Солнце, видя бессилие своего соперника, улыбнулось, выглянуло из-за облаков, обогрело, осушило землю, а вместе с тем и бедного полузамёрзшего путешественника. Почувствовав теплоту солнечных лучей, он приободрился, благословил Солнце, сам снял свой плащ, свернул его и привязал к седлу.

— Видишь ли, — сказала тогда кроткое Солнце сердитому Ветру, — лаской и добротой можно сделать гораздо более, чем гневом.

КОНЕЦ

Дети в роще. Ушинский Константин Дмитриевич. Рассказ

Двое детей, брат и сестра, отправились в школу. Они должны были проходить мимо прекрасной тенистой рощи. На дороге было жарко и пыльно, а в роще прохладно и весело.

— Знаешь ли что? — сказал брат сестре. — В школу мы еще успеем. В школе теперь и душно и скучно, а в роще, должно быть, очень весело. Послушай, как кричат там птички! А белок-то, белок сколько прыгает по веткам! Не пойти ли нам туда, сестра?

Сестре понравилось предложение брата. Дети бросили азбуки в траву, взяли за руки и скрылись между зелеными кустами, под кудрявыми березками. В роще, точно, было весело и шумно. Птички перепархивали беспрестанно, пели и кричали; белки прыгали по веткам; насекомые суеились в траве.

Прежде всего дети увидели золотого жучка.

— Поиграй-ка с нами, — сказали дети жуку.

— С удовольствием бы, — отвечал жук, — но у меня нет времени: я должен добыть себе обед.

— Поиграй с нами, — сказали дети желтой мохнатой пчеле.

— Некогда мне играть с вами, — отвечала пчелка, — мне нужно собирать мед.

— А ты поиграешь ли с нами?— спросили дети у муравья.

Но муравью некогда было их слушать: он тащил соломинку втрое больше себя и спешил строить свое хитрое жилье.

Дети обратились было к белке, предлагая ей также поиграть с ними; но белка махнула пушистым хвостом и отвечала, что она должна запастись орехами на зиму.

Голубь сказал:

— Строю гнездо для своих маленьких деток.

Серенький зайчик бежал к ручью умыться свою мордочку. Белому цветку земляники также некогда было заниматься детьми. Он пользовался прекрасной погодой и спешил приготовить к сроку свою сочную, вкусную ягоду.

Детям стало скучно, что все заняты своим делом и никто не хочет играть с ними. Они подбежали к ручью. Журча по камням, пробегал ручей через рощу.

— Тебе уж, верно, нечего делать? — сказали ему дети. — Поиграй же с нами!

— Как! Мне нечего делать? — прожурчал сердито ручей. — Ах вы, ленивые дети! Посмотрите на меня: я работаю днем и ночью и не знаю ни минуты покоя. Разве не я пою людей и животных? Кто же, кроме меня, моет белье, вертит мельничные колеса, носит лодки и тушит пожары? О, у меня столько работы, что голова идет кругом! — прибавил ручей и принялся журчать по камням.

Детям стало еще скучнее, и они подумали, что им лучше было бы пойти сначала в школу, а потом уж, идучи из школы, зайти в рощу. Но в это самое время мальчик заметил на зеленой ветке крошечную красивую малиновку. Она сидела, казалось, очень спокойно и от нечего делать насвистывала превеселую песенку.

— Эй ты, веселый запевала! — закричал малиновке мальчик. — Тебе-то уж, кажется, ровно нечего делать; поиграй же с нами.

— Как, — просвистала обиженная малиновка, — мне нечего делать? Да разве я целый день не ловила мошек, чтобы накормить моих малюток? Я так устала, что не могу поднять крыльев; да и теперь убаюкиваю песенкой моих милых деток. А вы что делали сегодня, маленькие ленивцы? В школу не пошли, ничего не выучили, бегаєте по роще, да еще мешаєте другим дело делать. Идите-ка лучше, куда вас послали, и помните, что только тому приятно отдохнуть и поиграть, кто поработал и сделал все, что обязан был сделать.

Детям стало стыдно: они пошли в школу и хотя пришли поздно, но учились прилежно.

КОНЕЦ

Жалобы зайки. Ушинский Константин Дмитриевич

Растужился, расплакался серенький зайка, под кустиком сидючи; плачет, приговаривает:

«Нет на свете доли хуже моей, серенького зайки! И кто только не точит зубов на меня? Охотники, собаки, волк, лиса и хищная птица; кривоносый ястреб, пучеглазая сова; даже глупая ворона и та таскает своими кривыми лапами моих милых детушек — сереньких зайчат. Отовсюду грозит мне беда; а защищаться-то нечем: лазить на дерево, как белка, я не могу; рыть нор, как кролик, не умею. Правда, зубки мои исправно грызут капустку и кору гложут, да укусить смелости не хватает. Бегать я таки мастер и прыгаю недурно; но хорошо, если придется бежать по ровному полю или на гору, а как под гору — то и пойдешь кувырком через голову: передние ноги не доросли.

Всё бы еще можно жить на свете, если б не трусость негодная. Заслышишь шорох, — уши подымутся, сердчишко забьется, невзвидишь света, пырскнешь из куста, — да и угодишь прямо в тенёта или охотнику под ноги.

Ох, плохо мне, серенькому зайке! Хитришь, по кустикам прячешься, по заочками слоняешься, следы путаешь; а рано или поздно беды не миновать: и потащит меня кухарка на кухню за длинные уши.

Одно только и есть у меня утешение, что хвостик коротенький: собаке схватить не за что. Будь у меня такой хвостище, как у лисицы, куда бы мне с ним деваться? Тогда бы, кажется, пошел и утопился».

КОНЕЦ

Уточки. Ушинский Константин Дмитриевич

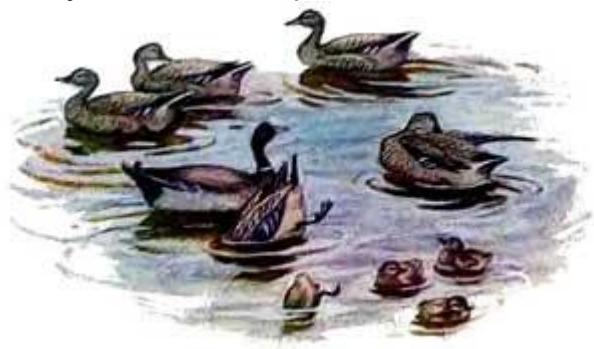
Сидит Вася на бережку, смотрит он, как утки в пруде кувыркаются: широкие носики в воду прячут, жёлтые лапки на солнышке сушат. Приказали Васе уток стеречь, а они на воду ушли – и старые и малые. Как их теперь домой загнать?

Сейчас Вася уже не плачет.

— Ути-ути-уточки! Прожоры-тараторочки, носики широкие, лапочки перепончатые! Полно вам червячков таскать, травку щипать, тину глотать, зобы набивать — пора вам домой идти!

Уточки Васю послушались, на берег вышли, домой идут, с ноги на ногу переливаются.

КОНЕЦ

Петушок с семьей. Ушинский Константин Дмитриевич

Ходит по двору петушок: на голове — красный гребешок, под носом — красная борода. Нос у Пети долотцом, хвост у Пети колесцом, на хвосте узоры, на ногах шпоры. Лапами Петя кучу разгребает, курочек с цыплятами созывает:

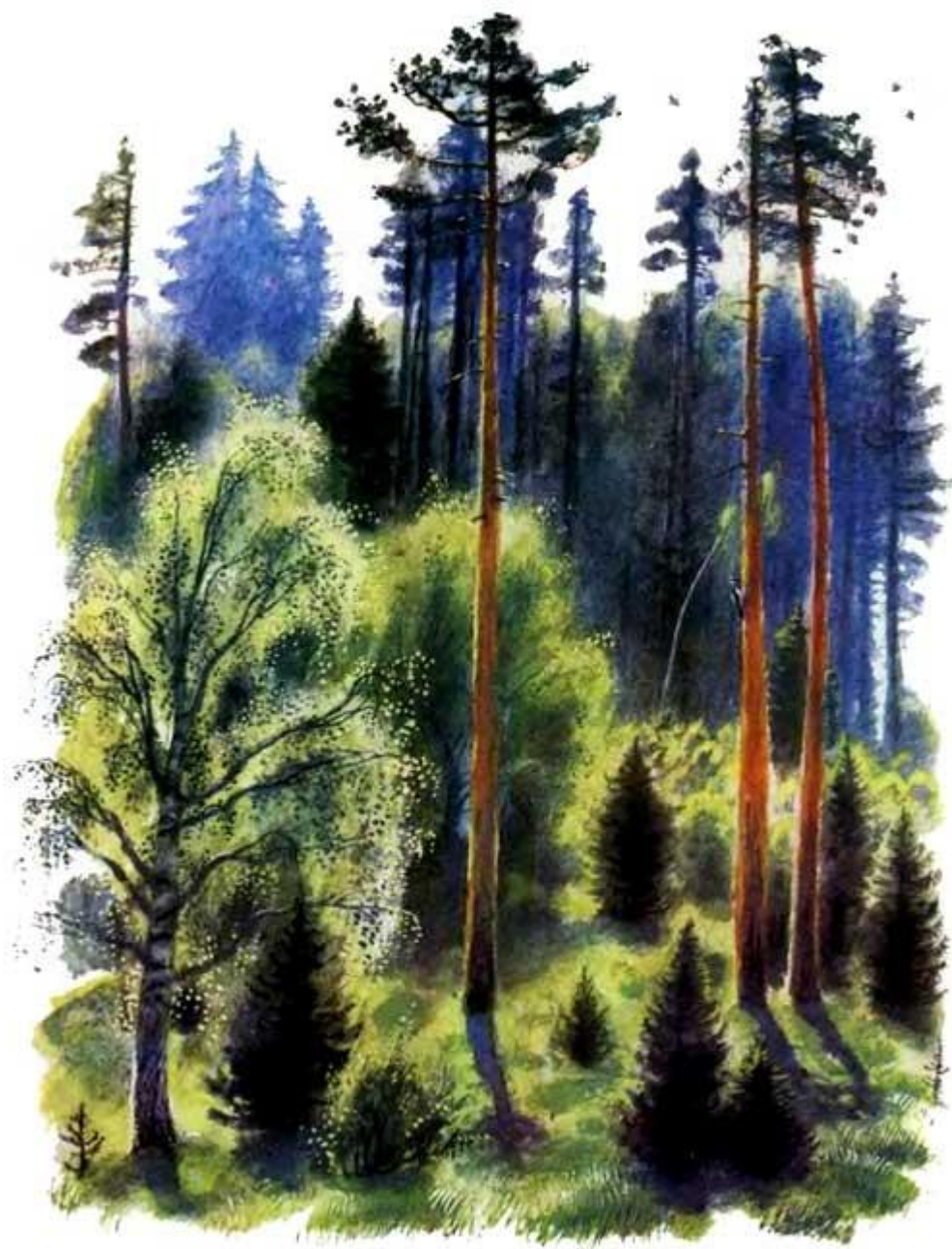
— Курочки-хохлатушки! Хлопотуньи-хозяйюшки! Пёстренькие-рябенькие! Чёрненькие-беленькие! Собирайтесь с цыплятками, с малыми ребятками: я вам зёрнышко припас! Курочки с цыплятами собрались, разкудахтались; зёрнышком не поделились — передрались.

Петя-петушок беспорядков не любит — сейчас семью помирил: ту за хохол, того за вихор, сам зёрнышко съел, на плетень взлетел, крыльями замахал, во всё горло заорал:

— «Ку-ка-ре-ку!»

КОНЕЦ

В лесу летом. Ушинский Константин Дмитриевич. Рассказ

Нет в лесу того раздолья, как на поле; но хорошо в нём в жаркий полдень. И чего только не намотришься в лесу! Высокие, красноватые сосны развесили свои иглистые вершины, а зелёные ёлочки выгибают свои колючие ветви. Красуется белая, кудреватая берёзка с душистыми листочками; дрожит серая осина; а коренастый дуб раскинул шатром свои вырезные листья. Из травы глядит беленький глазок земляники, а рядом уже краснеет

душистая ягодка.

Белые серёжки ландыша качаются между длинными, гладкими листьями. Где-то рубит крепконосый дятел; кричит жалобно жёлтая иволга; отсчитывает года бездомная кукушка. Серый зайчик шмыгнул в кусты; высоко между ветвями мелькнула пушистым хвостом цепкая белка. Далеко в чаще что-то трещит и ломится: уж не гнёт ли дуги косолапый мишка?

КОНЕЦ

Орел и кошка. Ушинский Константин Дмитриевич. Рассказ

За деревней весело играла кошка со своими котятами. Весеннее солнышко грело, и маленькая семья была очень счастлива. Вдруг, откуда ни возьмись — огромный степной орел: как молния, спустился он с вышины и схватил одного котёнка. Но не успел ещё орел подняться, как мать вцепилась уже в него. Хищник бросил котёнка и схватился со старой кошкой. Закипела битва на смерть.

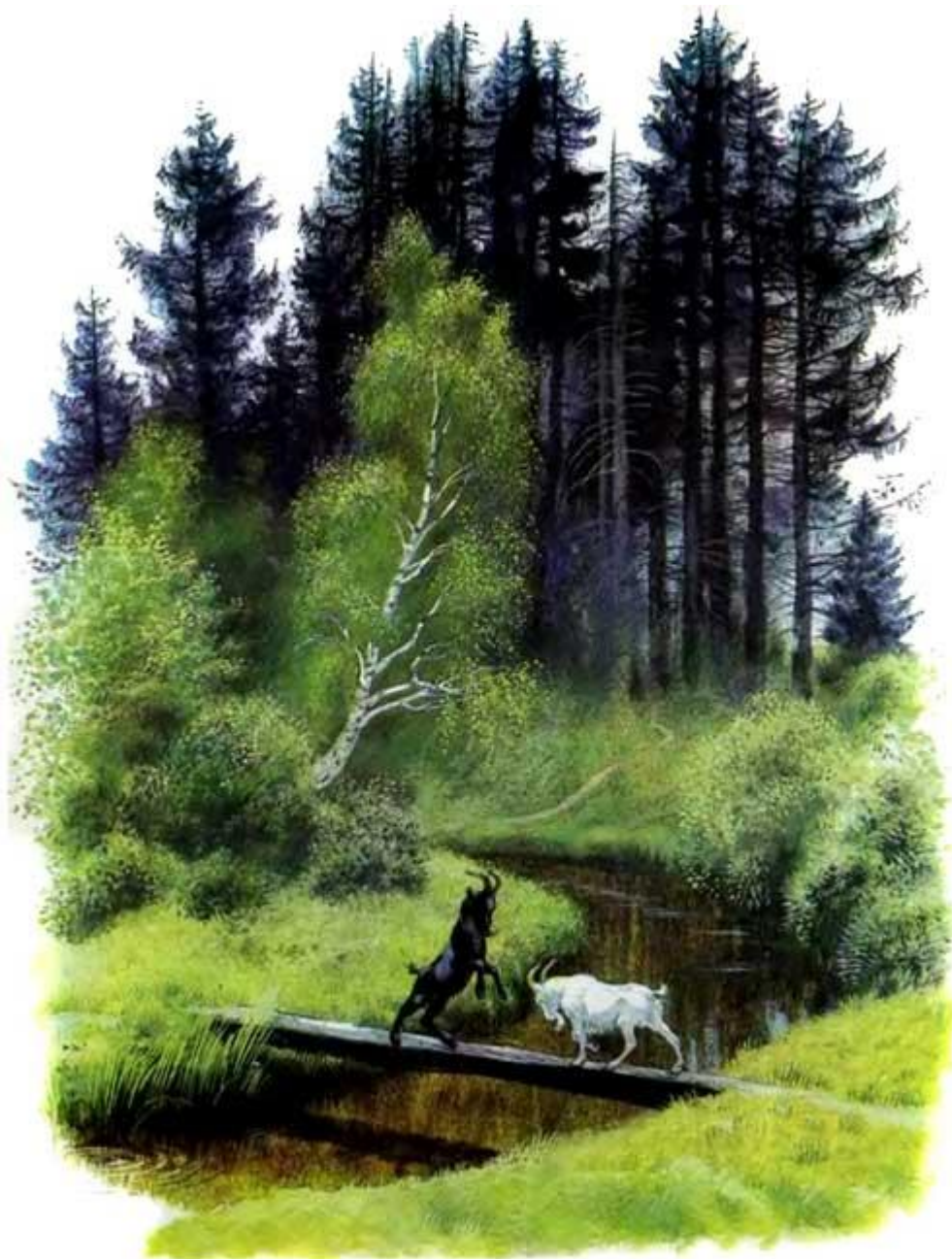
Могучие крылья, крепкий клюв, сильные лапы с длинными, кривыми когтями давали орлу большое преимущество: он рвал кожу кошки и выклевал ей один глаз. Но кошка не потеряла мужества, крепко вцепилась в орла когтями и перекусила ему правое крыло.

Теперь уже победа стала клониться на сторону кошки; но орёл все еще был очень силен, а кошка уже устала; однако же она собрала свои последние силы, сделала ловкий прыжок и повалила орла на землю. В ту же минуту откусила она ему голову и, забыв свои собственные раны, принялась облизывать своего израненного котёнка.

КОНЕЦ

Два козлика. Ушинский Константин Дмитриевич

Два упрямые козлика встретились однажды на узком бревне, переброшенном через ручей. Обоим разом перейти ручей было невозможно; приходилось которому-нибудь воротиться назад, дать другому дорогу и обождать.

– Уступи мне дорогу, – сказал один.

– Вот ещё! Поди-ка ты, какой важный барин, – отвечал другой, – пяться назад, я первый взошёл на мост.

– Нет, брат, я гораздо постарше тебя годами, и мне уступить молокососу! Ни за что!

Тут оба, долго не думавши, столкнулись крепкими лбами, сцепились рогами и, упираясь тоненькими ножками в колоду, стали драться. Но колода была мокра: оба упрямца

поскользнулись и полетели прямо в воду.

КОНЕЦ

История одной яблоньки. Ушинский Константин Дмитриевич. Рассказ

Росла в лесу дикая яблоня; осенью упало с неё кислое яблоко. Птицы склевали яблоко, поклевали и зёрнышки.

Одно только зёрнышко спряталось в землю и осталось.

Зиму пролежало зёрнышко под снегом, а весной, когда солнышко пригрело мокрую землю, зерно стало прорастать: пустило вниз корешок, а кверху выгнало два первых листика. Из промеж листочков выбежал стебелёк с почкой, а из почки, наверху, вышли зелёные листики. Почка за почкой, листик за листиком, веточка за веточкой — и лет через пять хорошенькая яблонька стояла на том месте, где упало зёрнышко.

Пришёл в лес садовник с заступом, увидел яблоньку и говорит: «Вот хорошее деревцо, оно мне пригодится».

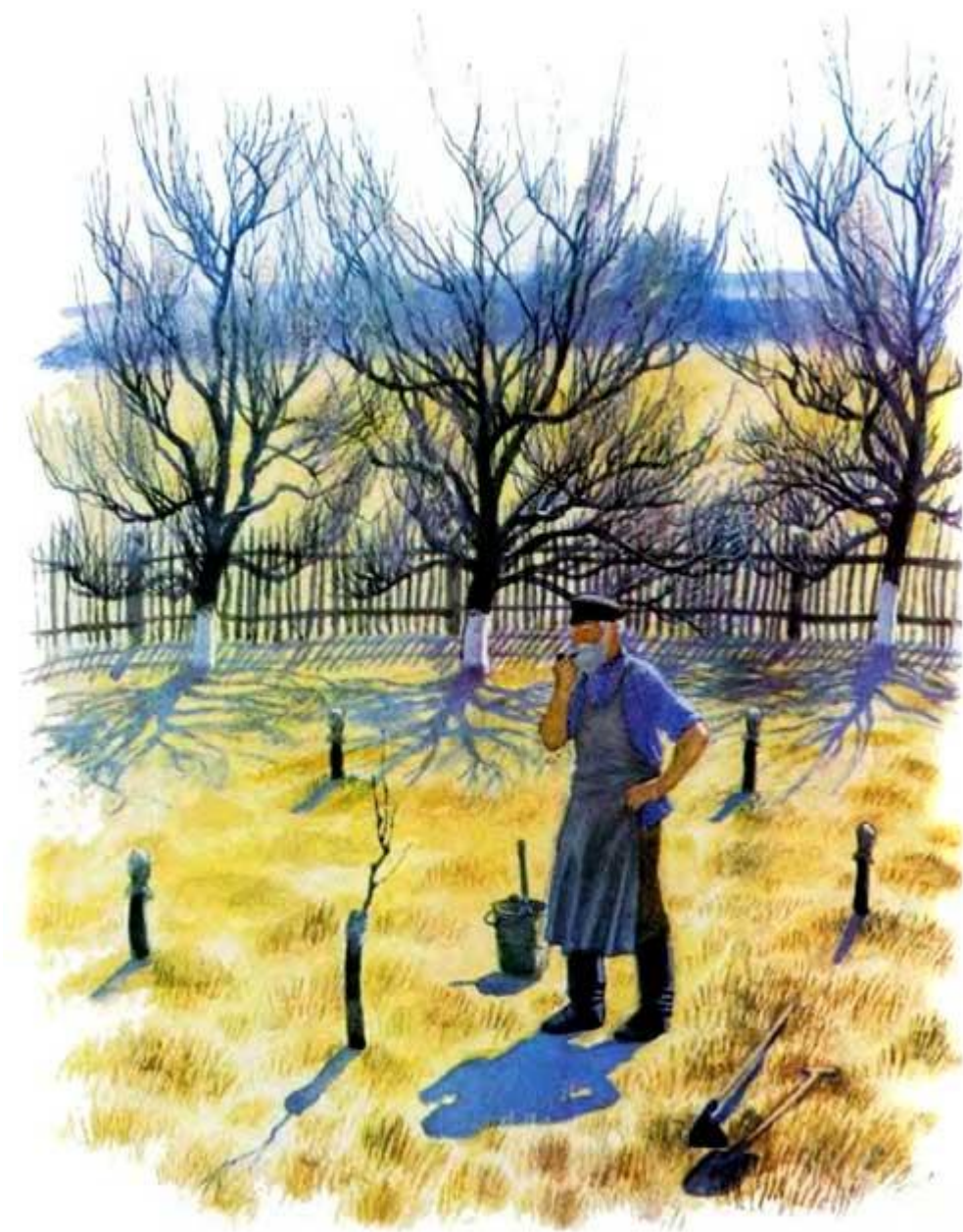
Задрожала яблонька, когда садовник стал её выкапывать, и думает: «Пропала я совсем!» Но садовник выкопал яблоньку осторожно, корешков не повредил, перенёс её в сад и посадил в хорошую землю.

II

Загордилась яблонька в саду: «Должно быть, я редкое дерево, — думает она, — когда меня из лесу в сад перенесли», — и свысока посматривает вокруг на некрасивые пеньки, завязанные тряпочками; не знала она, что попала в школу.

На другой год пришёл садовник с кривым ножом и стал яблоньку резать.

Задрожала яблонька и думает: «Ну, теперь-то я совсем пропала».

Срезал садовник всю зелёную верхушку деревца, оставил один пенёк, да и тот ещё расщепил сверху; в трещину воткнул садовник молодой побег от хорошей яблони; закрыл рану замазкой, обвязал тряпочкой, обставил новую прищепку колышками и ушёл.

III

Прихворнула яблонька; но была она молода и сильна, скоро поправилась и срослась с чужой веточкой.

Пьёт веточка соки сильной яблоньки и растёт быстро: выкидывает почку за почкой, лист за листком, выгоняет побег за побегом, веточку за веточкой, и года через три зацвело деревцо бело-розовыми душистыми цветами.

Опали бело-розовые лепестки, и на их месте появилась зелёная завязь, а к осени из завязи сделались яблоки; да уж не дикие кислицы, а большие, румяные, сладкие, рассыпчатые!

И такая-то хорошенькая удалась яблонька, что из других садов приходили брать от неё побеги для прищеп.

КОНЕЦ

**Как рубашка в поле выросла. Ушинский Константин Дмитриевич.
Рассказ**

БИБЛИОТЕКА
ДЕТСКОГО
САДА

К. Ушинский

КАК РУБАШКА В ПОЛЕ ВЫРОСЛА

Издательство «Малыш» Москва 1986

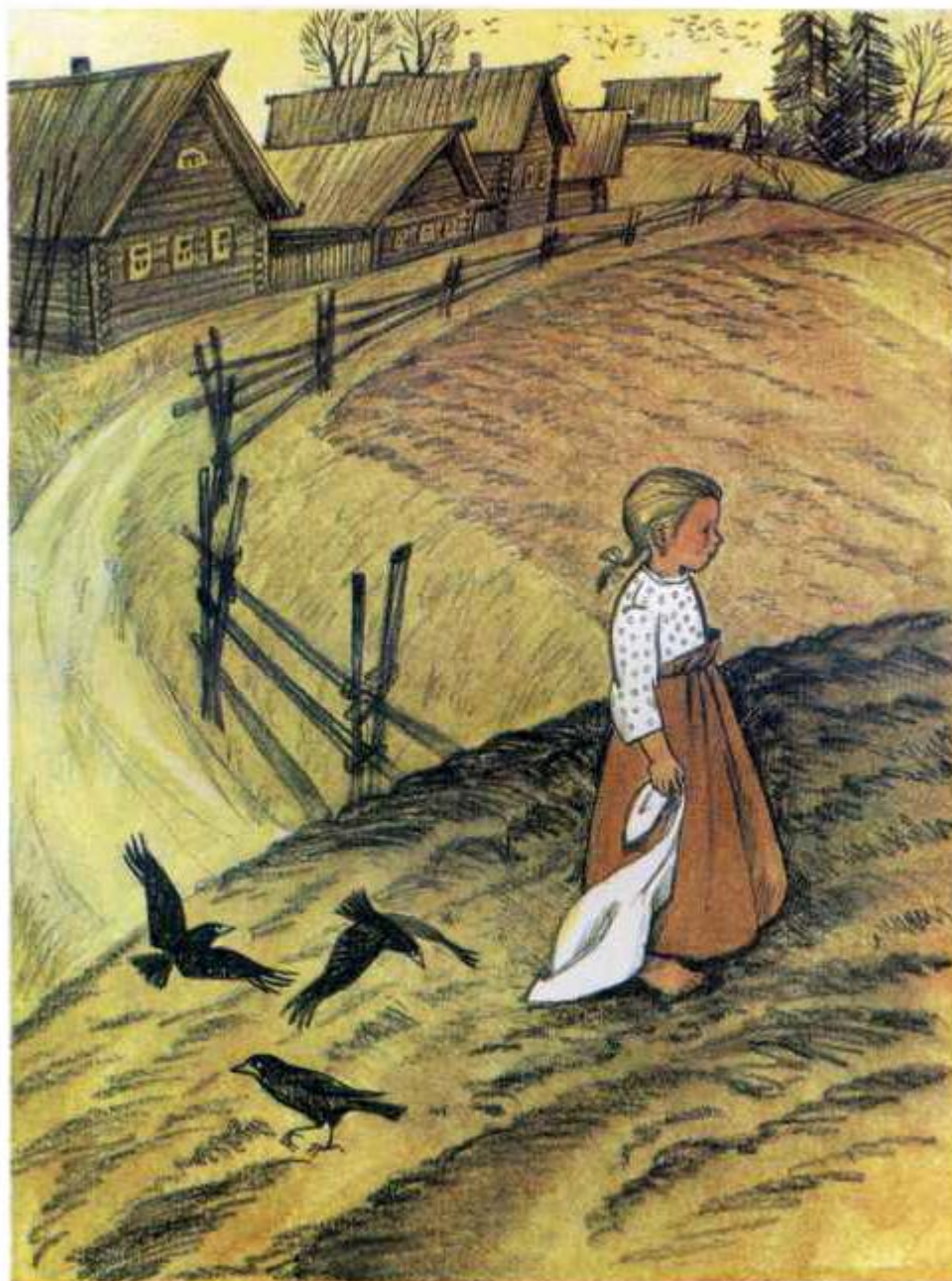
В

идела Таня, как отец её горстями разбрасывал по полю маленькие блестящие зёрна, и спрашивает:

— Что ты, тятя, делаешь?

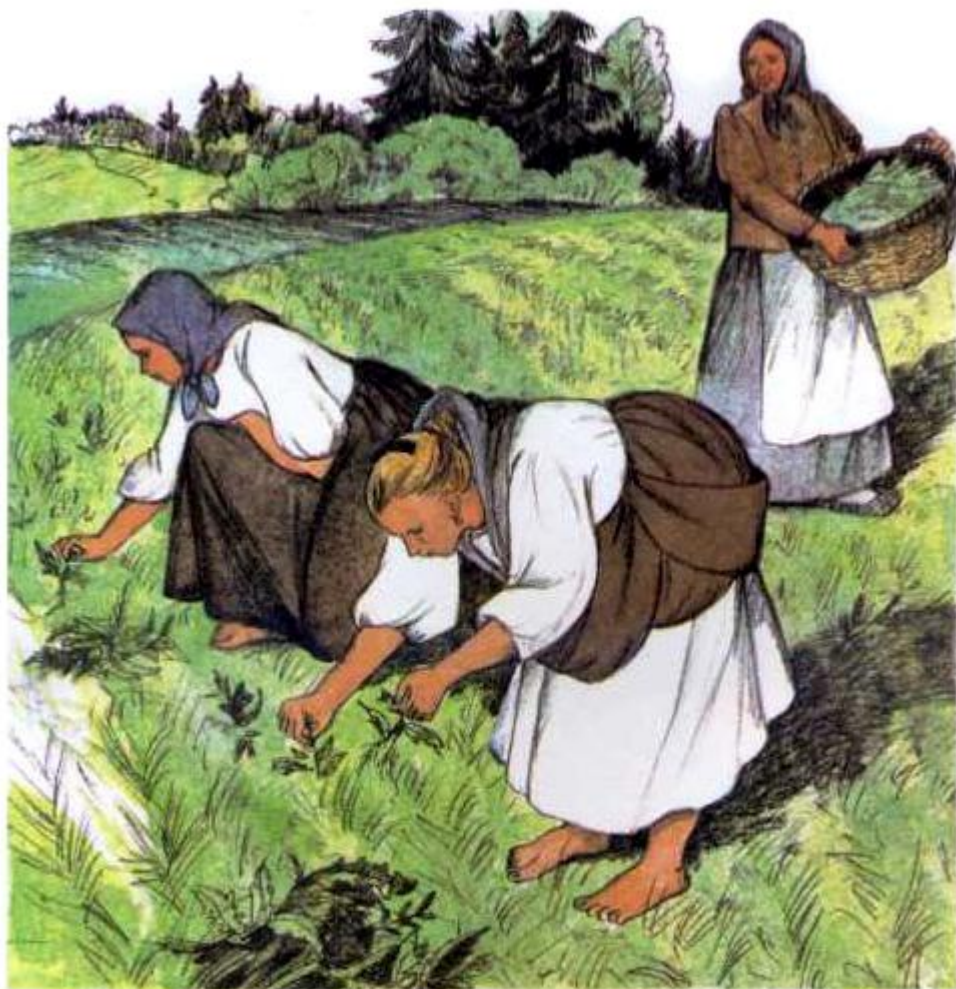
—А вот сею ленок, дочка. Вырастет рубашка тебе и Васютке.

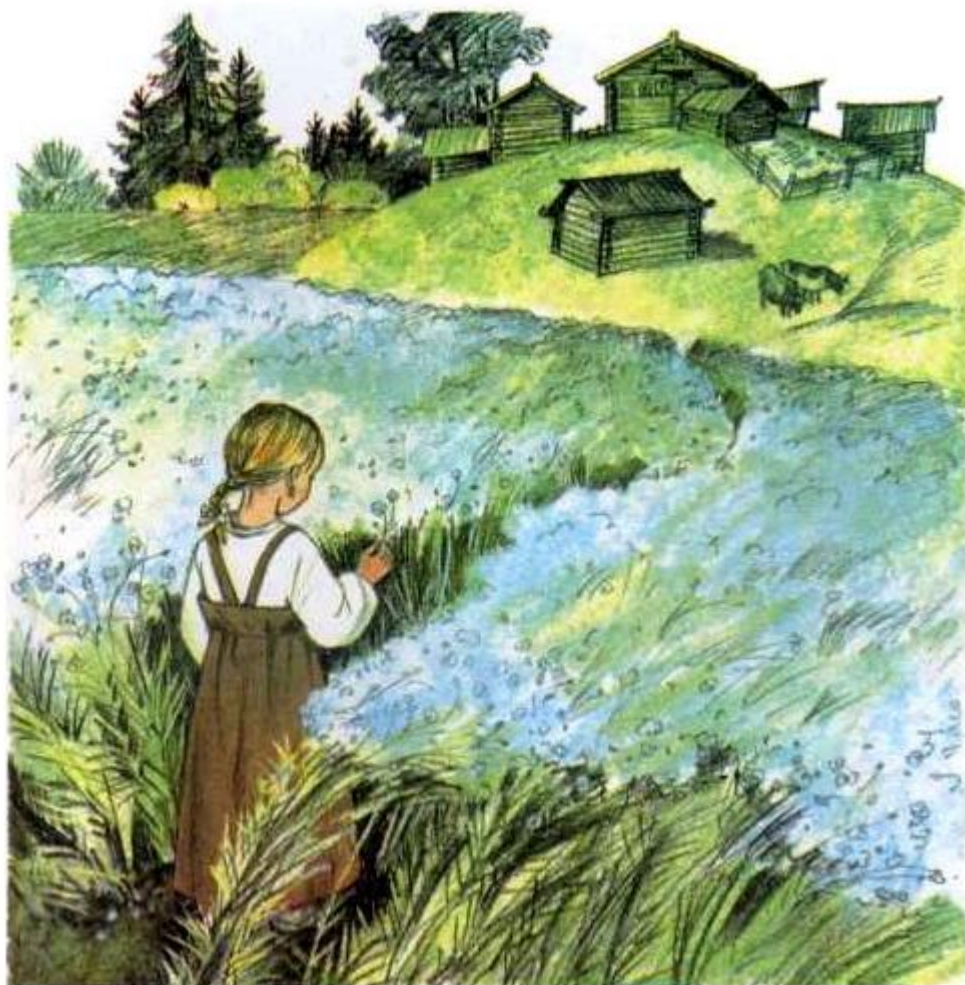
Задумалась Таня: никогда она не видела, чтобы рубашки в поле росли.

Недели через две покрылась полоска зелёной шелковистой травкой и подумала Таня:

«Хорошо, если бы у меня была такая рубашечка».

Раза два мать и сёстры Тани приходили полоску полоть и всякий раз говорили девочке:
— Славная у тебя рубашечка будет!

Прошло ещё несколько недель: травка на полоске поднялась, и на ней показались голубые цветочки.

«У братца Васи такие глазки, — подумала Таня, — но рубашечек таких я ни на ком не видала».

Когда цветочки опали, то на место их показались зелёные головки. Когда головки забурели и подсохли, мать и сёстры Тани повыдергали весь лён с корнем, навязали снопиков и поставили их на поле просохнуть.

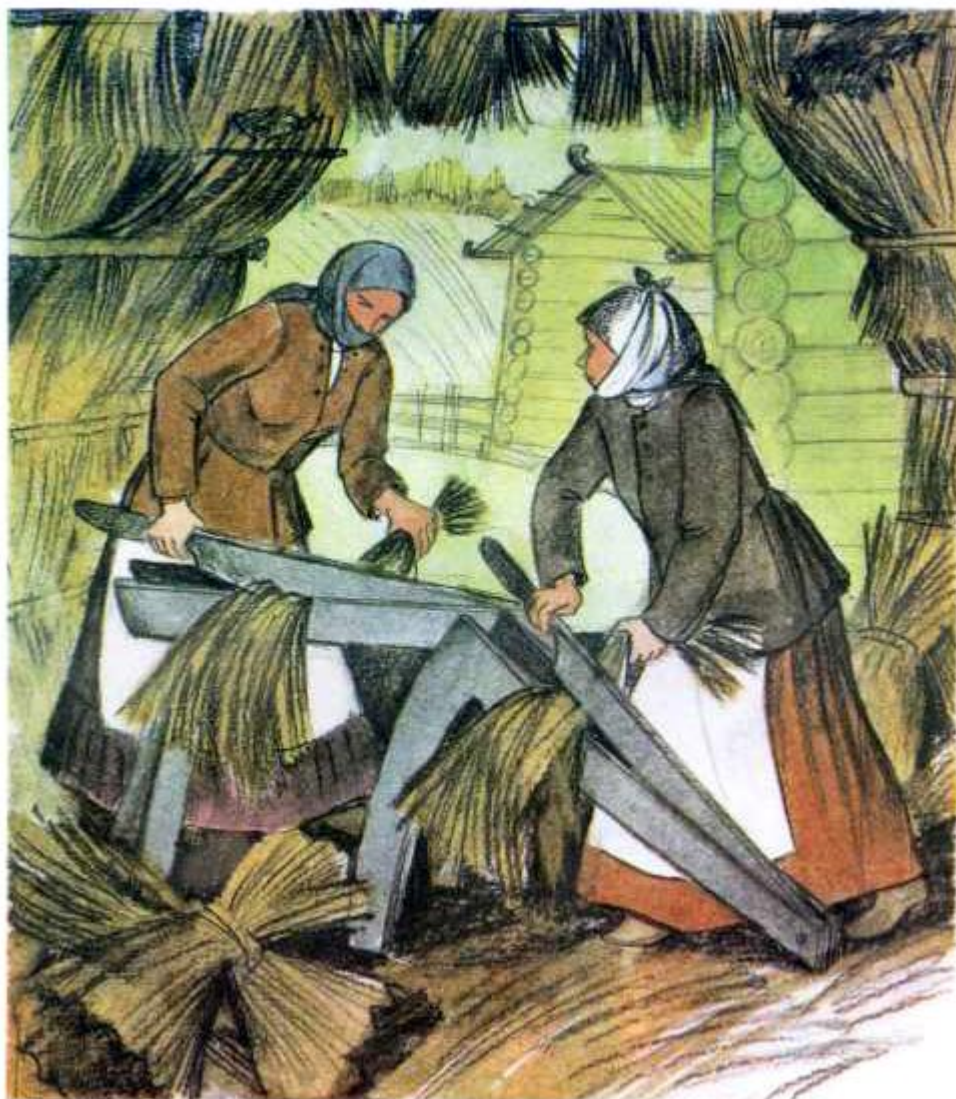

Когда лён просох, то стали у него головки отрезывать, а потом потопили в речке безголовые пучки и ещё камнем сверху завалили, чтобы не всплыл.

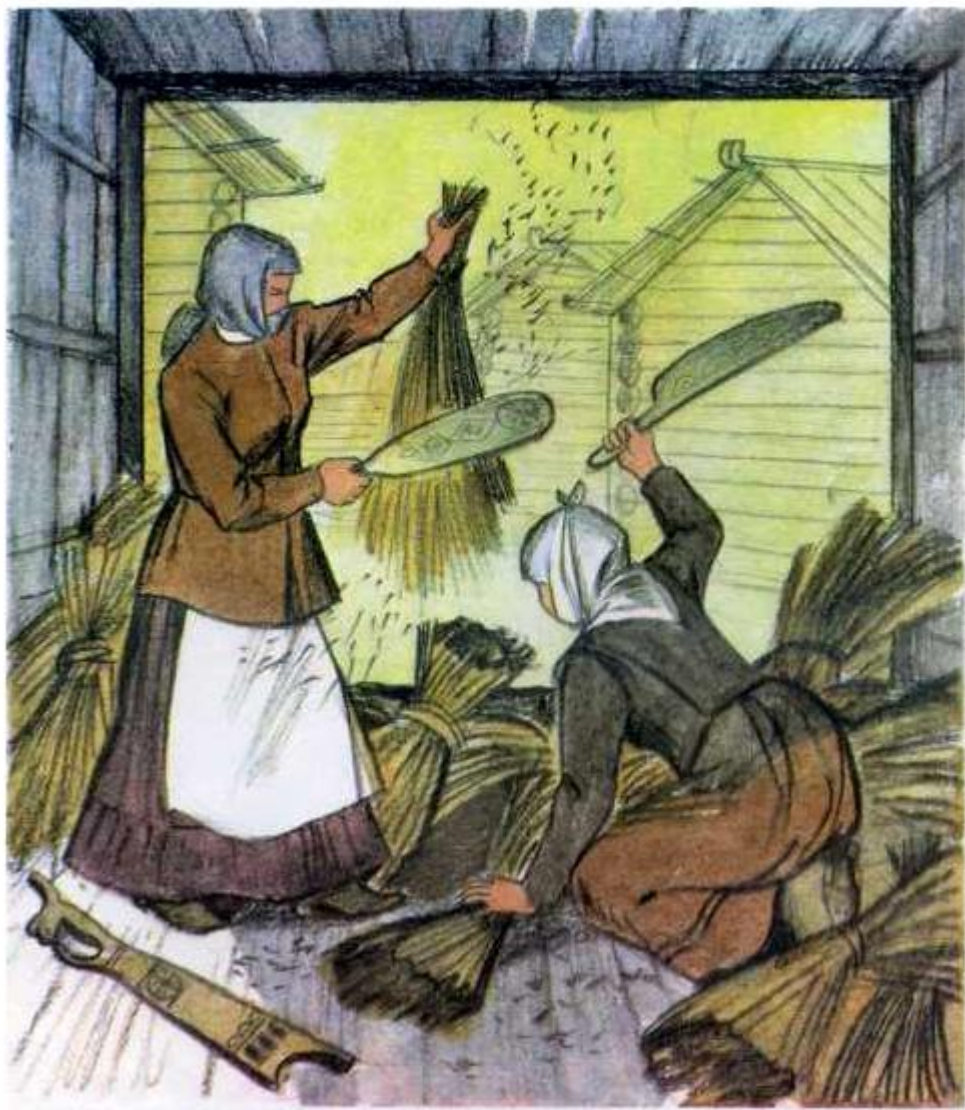
Печально смотрела Таня, как её рубашечку топят.

А сёстры тут ей опять сказали:

— Славная у тебя, Таня, рубашечка будет.

Недели через две вынули лён из речки, просушили и стали колотить, сначала доской на гумне.

Потом трепалом на дворе, так что от бедного льна летела кострика во все стороны.

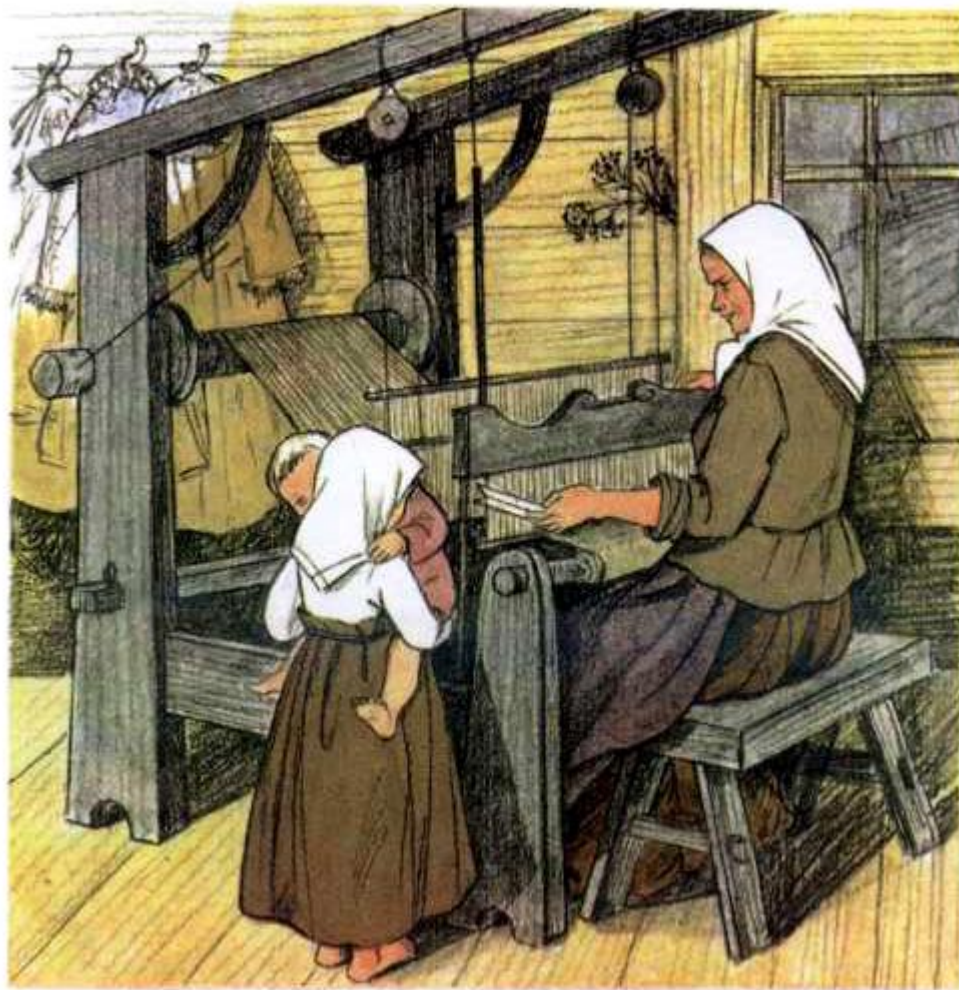
Вытрепавши, стали лён чесать железным гребнем, пока не сделался мягким и шелковистым.

— Славная у тебя рубашка будет, — опять сказали Тане сёстры.

Но Таня подумала: «Где же тут рубашка? Это похоже на волоски Васи, а не на рубашку». Настали длинные зимние вечера. Сёстры Тани надели лён на гребни и стали из него нитки прясть.

«Это нитки, — думает Таня, — а где же рубашечка?»

Прошли зима, весна и лето — настала осень. Мать установила в избе кросна, натянула на них основу и начала ткать. Забегал проворно челнок между нитками, и тут уж Таня сама

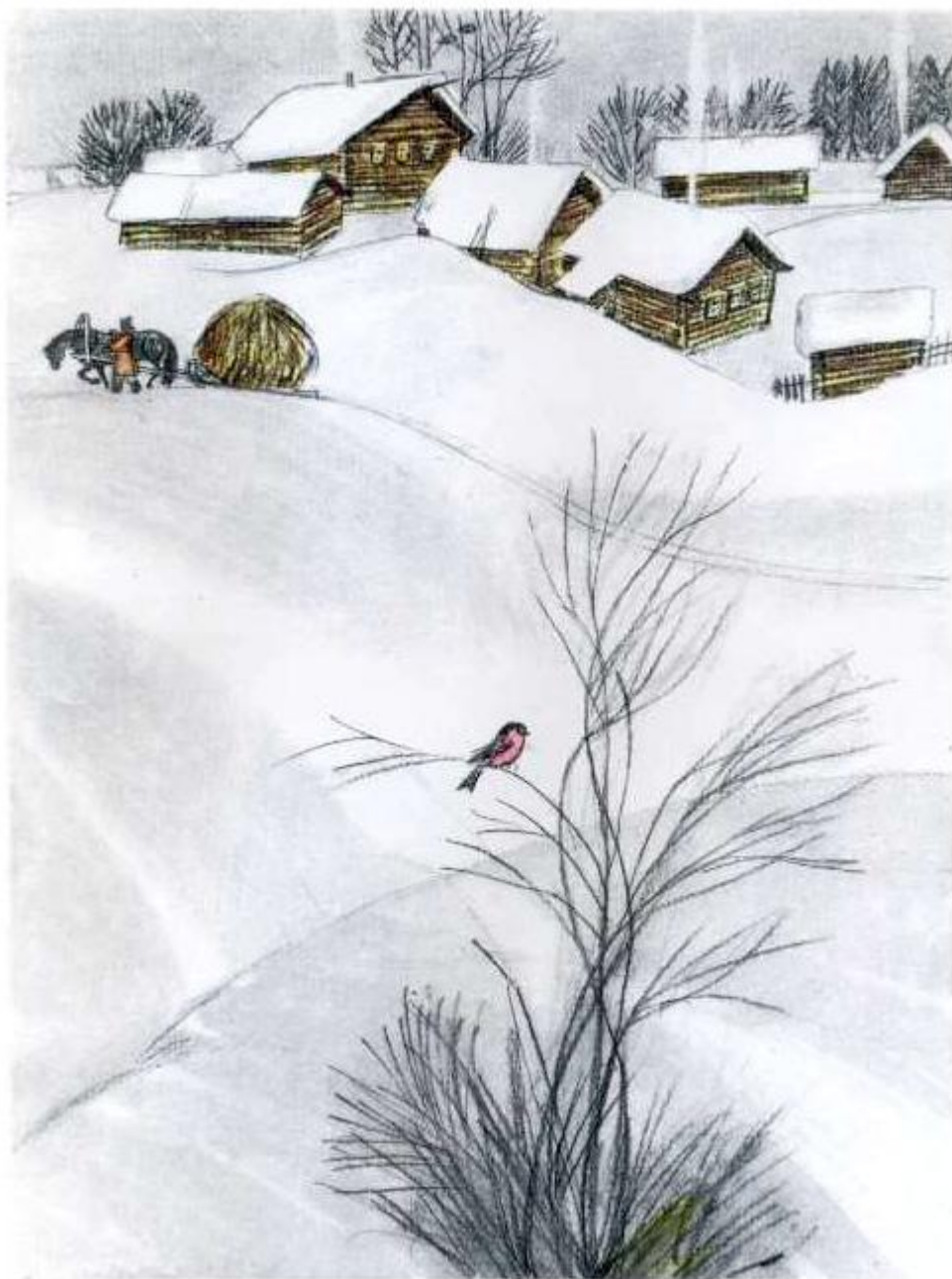
увидала, что из ниток выходит холст.

Когда холст был готов, стали его на морозе морозить, по снегу расстилать, а весной расстилали его по траве, на солнышке, и взбрызгивали водой. Сделался холст из серого белым, как кипень.

Настала опять зима. Накроила из холста мать рубашек.
Принялись сёстры рубашки шить и к Рождеству надели на Таню и Васю новые, белые как снег рубашечки.

КОНЕЦ

Не ладно скроен, да крепко сшит (Заяц и ёж). Ушинский Константин Дмитриевич

Беленький, гладенький зайчик сказал ежу:

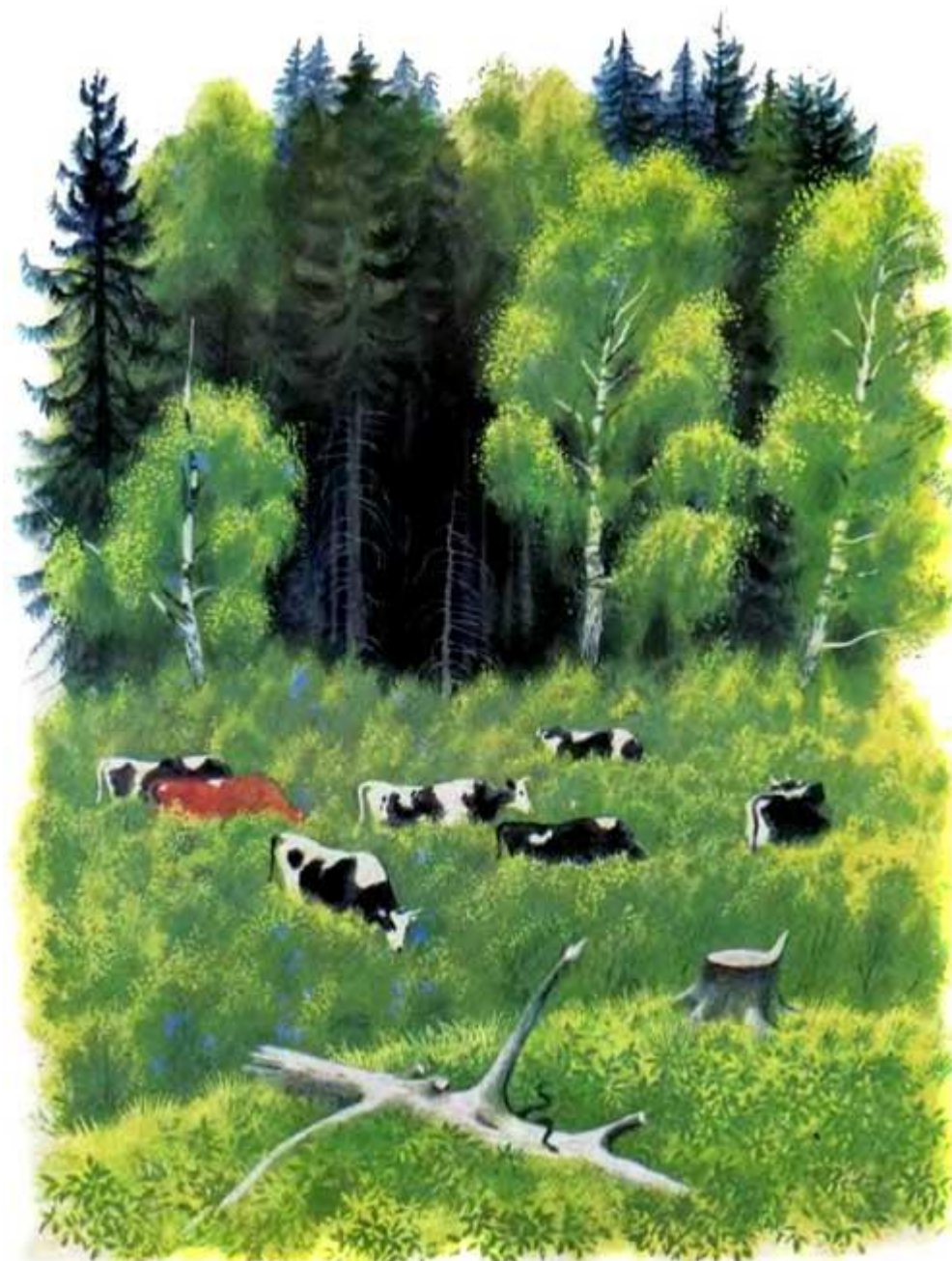
— Какое у тебя, братец, некрасивое, колючее платье!

— Правда, — отвечал ёж, — но мои колючки спасают меня от зубов собаки и волка; служит ли тебе так же твоя хорошенькая шкурка?

Зайчик вместо ответа только вздохнул.

КОНЕЦ

Гадюка. Ушинский Константин Дмитриевич. Рассказ

Вокруг нашего хутора, по оврагам и мокрым местам, водилось немало змей.

Я не говорю об ужах: к безвредному ужу у нас так привыкли, что и змеёй-то его не зовут. У него есть во рту небольшие острые зубы, он ловит мышей и даже птичек и, пожалуй, может прокусить кожу; но нет яду в этих зубах, и, укушение ужа совершенно безвредно.

Ужей у нас было множество; особенно в кучах соломы, что лежала около гумна: как пригреет солнышко, так они и выползут оттуда; шипят, когда подойдёшь, язык или жало показывают, но ведь не жалом змеи кусают. Даже в кухне под полом водились ужи, и как станут, бывало, дети, сидя на полу, молоко хлебать, так уж и выползает и к чашке голову тянет, а дети его ложкой по лбу.

Но водились у нас и не одни ужи: водилась и ядовитая змея, чёрная, большая, без тех жёлтых полосок, что видны у ужа около головы. Такую змею зовут у нас гадюкой. Гадюка нередко кусала скот, и если не успеют, бывало, позвать с села старого деда Охрима,

который знал какое-то лекарство против укушения ядовитых змей, то скотина непременно падёт — раздует её, бедную, как гору.

Один мальчик у нас так и умер от гадюки. Укусила она его около самого плеча, и, прежде чем пришёл Охрим, опухоль перешла с руки на шею и грудь: дитя стало бредить, метаться и через два дня померло. Я в детстве много наслушался про гадюк и боялся их страшно, как будто чувствовал, что мне придётся встретиться с опасной гадиной.

Косили у нас за садом, в сухой балке, где весной всякий год бежит ручей, а летом только сыровато и растёт высокая густая трава. Всякая косовица была для меня праздником, особенно как сгребут сено в копны. Тут, бывало, и станешь бегать по сенокосу и со всего размаху кидаться в копны и барахтаться в душистом сене, пока не прогонят бабы, чтобы не разбивал копён.

Вот так-то и в этот раз бегал я и кувыркался: баб не было, косари пошли далеко, и только наша чёрная большая собака Бровко лежала на копне и грызла кость.

Кувыркнулся я в одну копну, повернулся в ней раза два и вдруг вскочил с ужасом. Что-то холодное и скользкое махнуло меня по руке. Мысль о гадюке мелькнула в голове моей — и что же? Огромная гадюка, которую я обеспокоил, вылезла из сена и, подымаясь на хвост, готова была на меня кинуться.

Вместо того чтобы бежать, я стою как окаменелый, будто гадина зачаровала меня своими безвековыми, неморгающими глазами. Ещё бы минута — и я погиб; но Бровко, как стрела, слетел с копны, кинулся на змею, и завязалась между ними смертельная борьба.

Собака рвала змею зубами, топтала лапами; змея кусала собаку и в морду, и в грудь, и в живот. Но через минуту только клочки гадюки лежали на земле, а Бровко кинулся бежать и исчез.

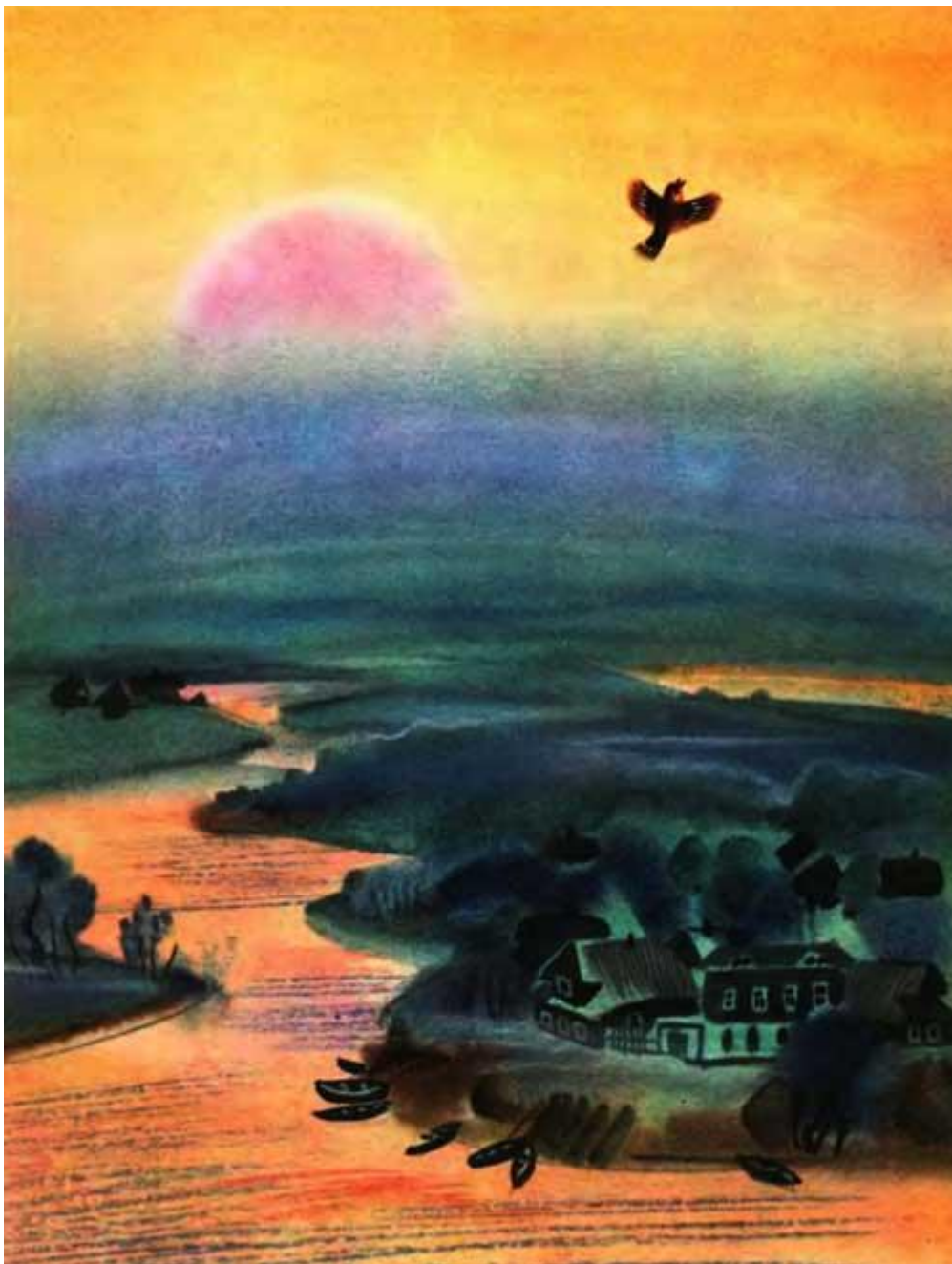
Тут только воротился ко мне голос; я стал кричать и плакать; прибежали косари и косами добили ещё трепещущие куски змеи.

Но страннее всего, что Бровко с этого дня пропал и скитался неизвестно где.

Только через две недели воротился он домой: худой, тощий, но здоровый. Отец говорил мне, что собаки знают траву, которой они лечатся от укуса гадюки.

КОНЕЦ

Утренние лучи. Ушинский Константин Дмитриевич. Рассказ

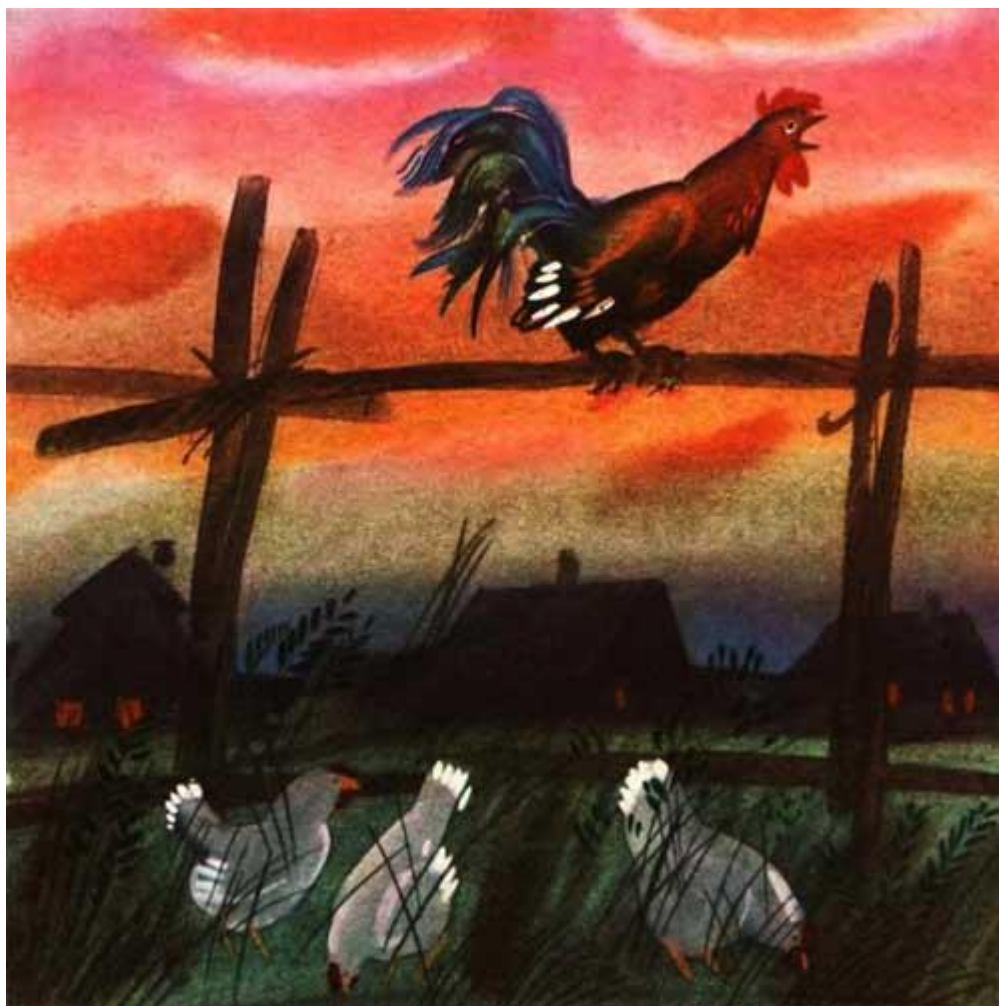
Выплыло на небо красное солнышко и стало рассылать повсюду свои золотые лучи — будить землю.

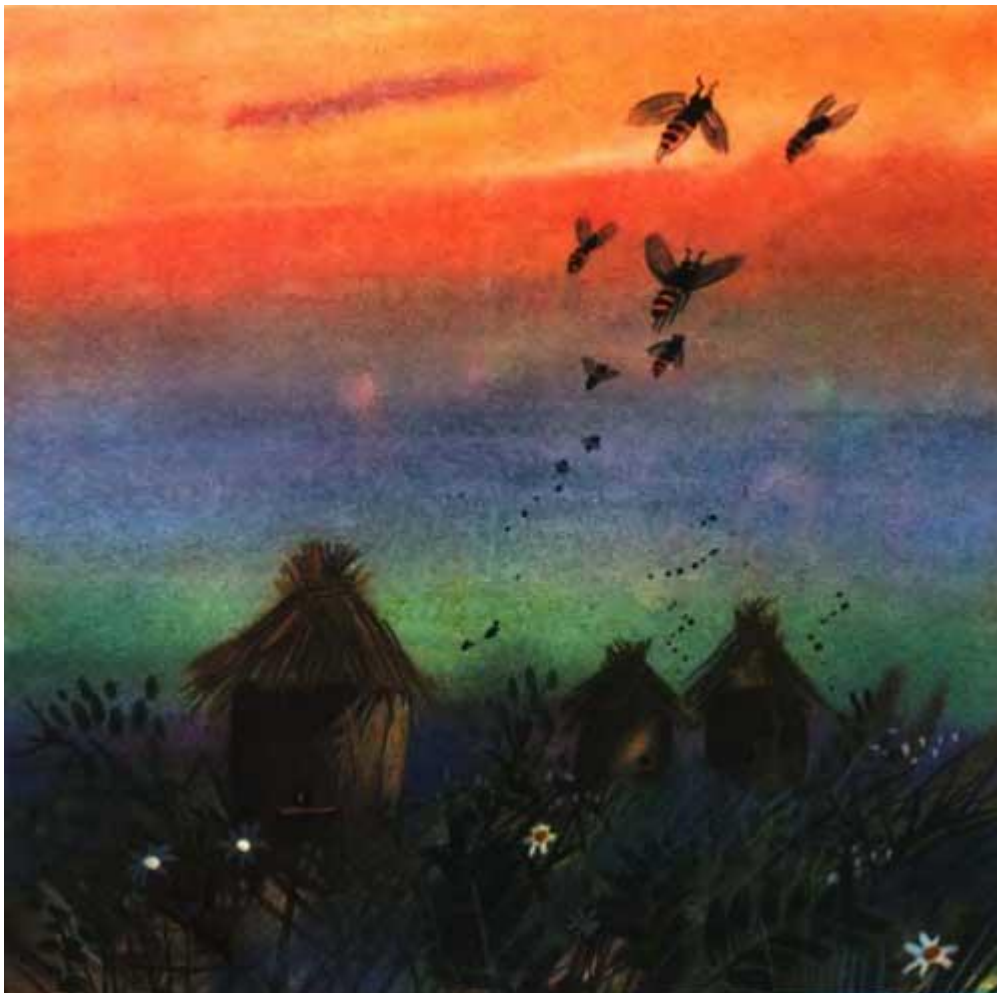
Первый луч полетел и попал на жаворонка. Встрепенулся жаворонок, выпорхнул из гнёздышка, поднялся высоко-высоко и запел свою серебряную песенку: «Ах, как хорошо в свежем утреннем воздухе! Как хорошо! Как привольно!».

Второй луч попал на зайчика. Передёрнул ушами зайчик и весело запрыгал по росистому лугу: побежал он добывать себе сочной травки на завтрак.

Третий луч попал в курятник. Петух захлопал крыльями и запел: «Ку-ка-ре-ку!» Куры слетели с нашествей, закудахтали, стали разгребать сор и червяков искать.

Четвёртый луч попал в улей. Выползла пчёлка из восковой кельи, села на окошечко, расправила крылья и «зум-зум-зум!» — полетела собирать медок с душистых цветов.

Пятый луч попал в детскую на постельку к маленькому лентяю: режет ему прямо в глаза, а он повернулся на другой бок и опять заснул.

КОНЕЦ

Ворон и сорока. Ушинский Константин Дмитриевич

Пёстрая сорока прыгала по веткам дерева и без умолку болтала, а ворон сидел молча.
— Что же ты молчишь, куманёк, или ты не веришь тому, что я тебе рассказываю? —

спросила, наконец, сорока.

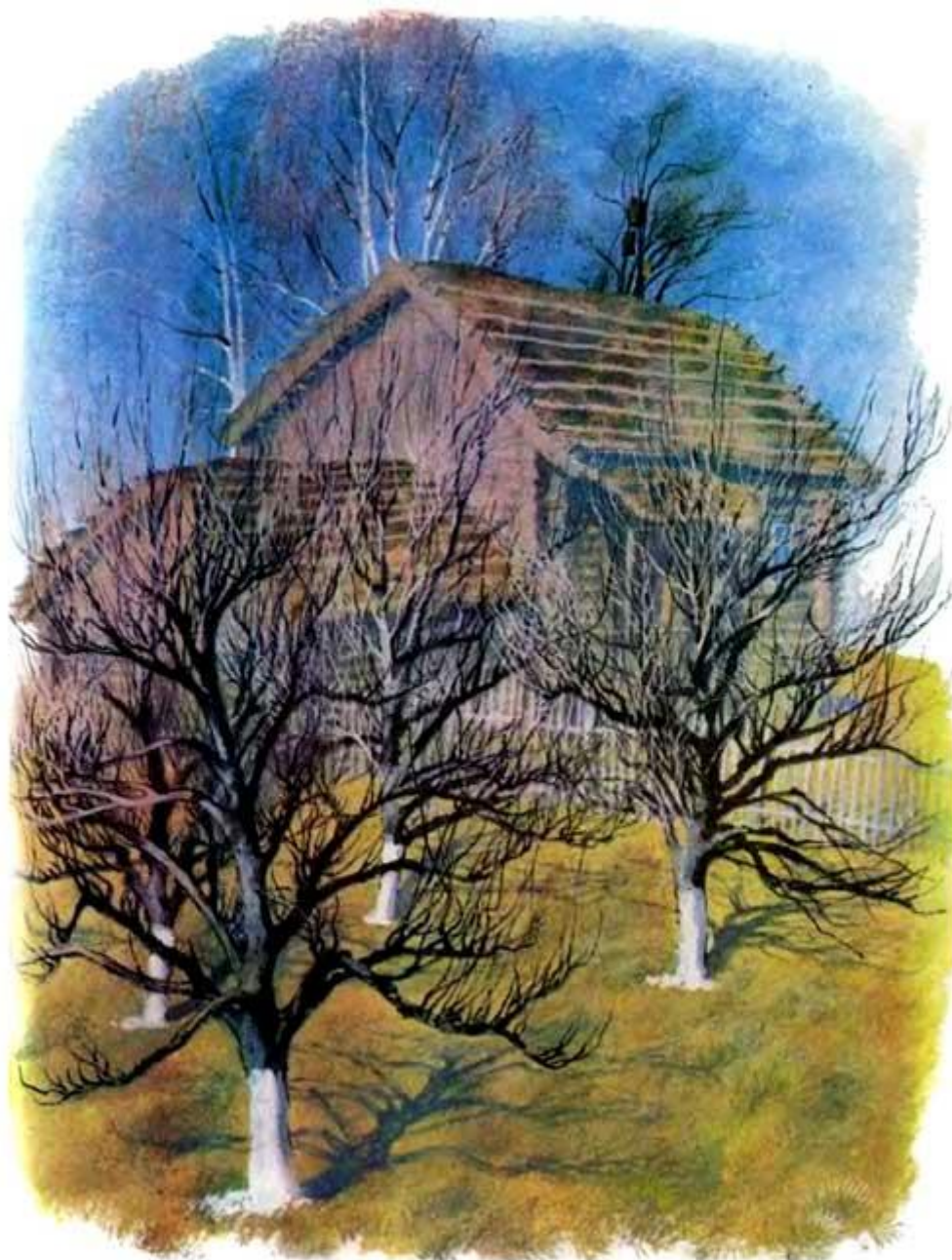
— Плохо верю, кумушка, — отвечал ворон, —кто так много болтает, как ты, тот, наверно, много врёт!

КОНЕЦ Пчелки на разведках. Ушинский Константин Дмитриевич. Рассказ

Настала весна; солнце согнало снег с полей; в пожелтевшей, прошлогодней травке проглядывали ярко-зелёные стебельки; почки на деревьях разрывались и выпускали молоденькие листочки.

Вот проснулась и пчёлка от своего зимнего сна, прочистила глазки мохнатыми лапками, разбудила подруг, и выглянули они в окошечко — разведать: ушёл ли снег, и лёд, и холодный северный

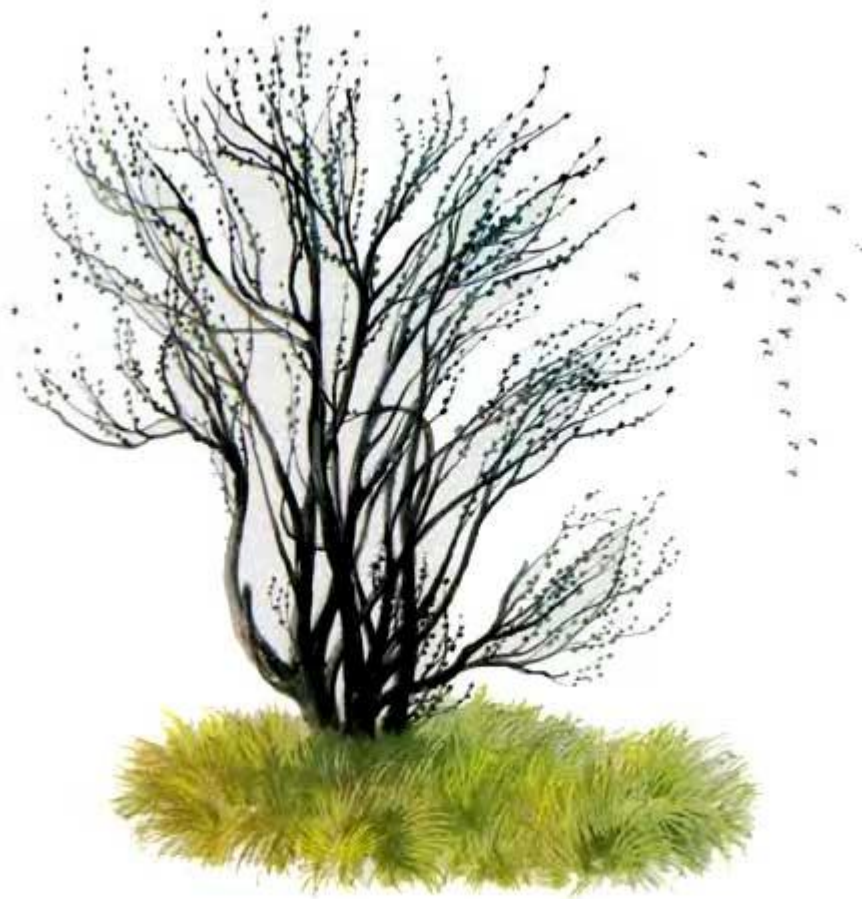

ветер?

Видят пчёлки, что солнышко светит ярко, что везде светло и тепло, выбрались они из улья и по-летели к яблоньке:

— Нет ли у тебя, яблонька, чего-нибудь для голодных пчёлок? Мы целую зиму голодали!

— Нет, — говорит им яблонька. — Вы прилетели слишком рано, мои цветы ещё спрятаны в почках, попробуйте у вишни.

Полетели пчёлки к вишне:

— Милая вишенка! Нет ли у тебя цветочка для голодных пчёлок?

— Наведайтесь, милочки, завтра, — отвечает им вишня. — Сегодня ещё нет на мне ни одного открытого цветочка, а когда откроются, я буду рада вам.

Полетели пчёлки к тюльпану, заглянули в пёструю головку; но не было в ней ни запаха мёду.

Печальные и голодные пчёлки хотели уже дальше лететь, как увидели под кустиком скромный синий цветочек — это была фиалочка. Она открыла пчёлкам свою чашечку, полную аромата и пахучего сока. Наелись, напились пчёлки и полетели домой — веселёшеньки.

КОНЕЦ

Бодливая корова. Ушинский Константин Дмитриевич. Рассказ

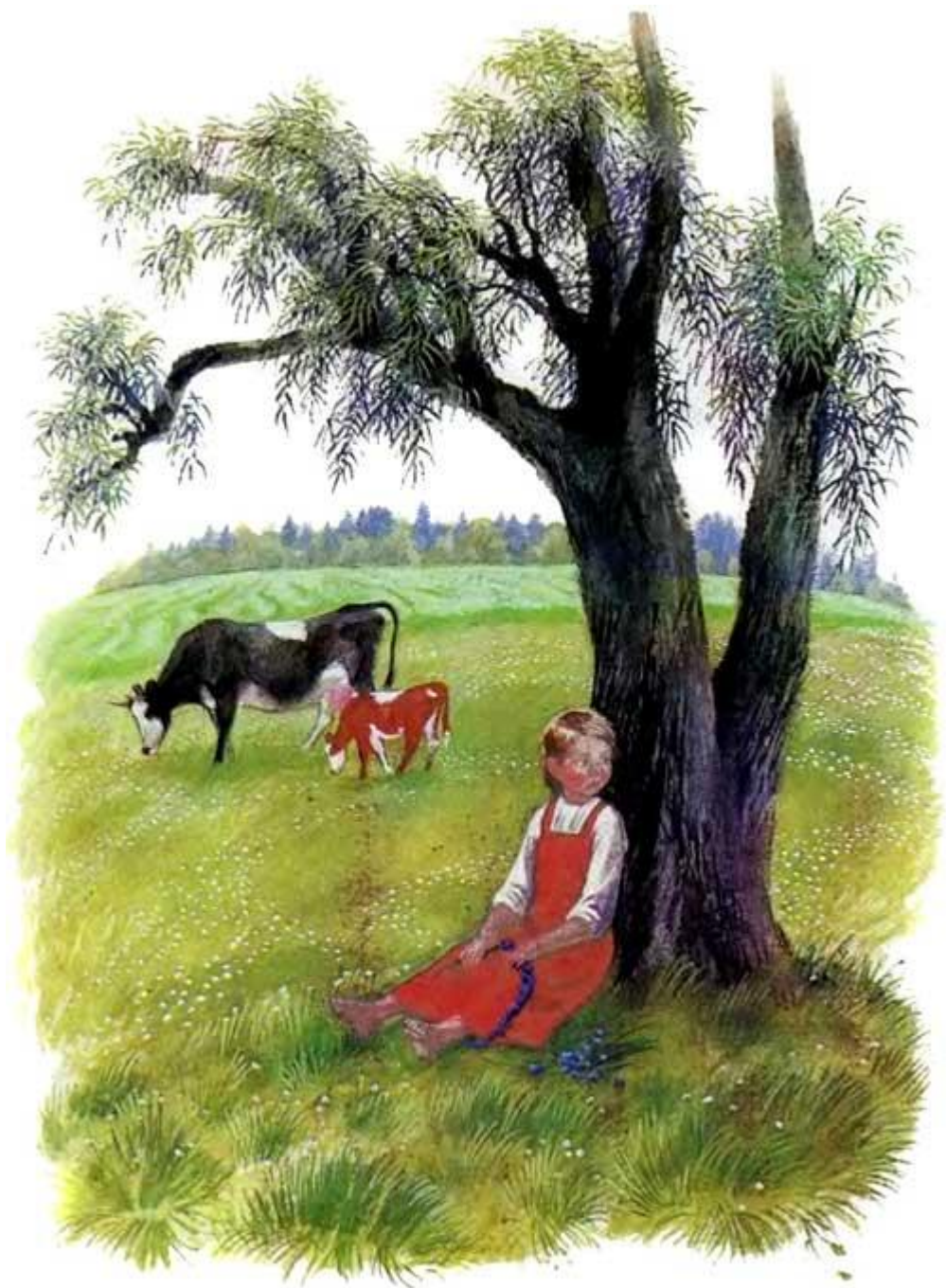
Была у нас корова да такая характерная, бодливая, что беда! Может быть, потому и молока у неё было мало.

Помучились с ней и мать, и сёстры. Бывало, прогонят в стадо, а она или домой в полдень придёт, или в житах очутиться, — иди выручай!

Особенно, когда бывал у нее телёнок — удержу нет! Раз даже весь хлев рогами разворотила, к телёнку билась, а рога-то у неё были длинные да прямые. Уж не раз собирався отец ей рога отпилить, да как-то всё откладывал, будто что предчувствовал старый.

А какая была увёртливая да прыткая! Как поднимет хвост, опустит голову, да махнет, — так и на лошади не догонишь.

Вот раз летом прибежала она от пастуха, еще задолго до вечера: было у ней дома теля. Подоила мать корову, выпустила теля и говорит сестре — девочке эдак лет двенадцати: — Погони, Феня, их к речке, пусть на бережку пасутся, да смотри, чтоб в жито не затесались. До ночи ещё далеко, что им без толку стоять.

Взяла Феня хворостину, погнала и теля, и корову; пригнала на бережок, пустила пастись, а сама под вербой села и стала венок плести из васильков, что по дороге во ржи нарвала; плетёт и песенку поёт.

Слышит Феня, что-то в лозняке зашуршало, а речка-то с обоих берегов густым лозняком обросла.

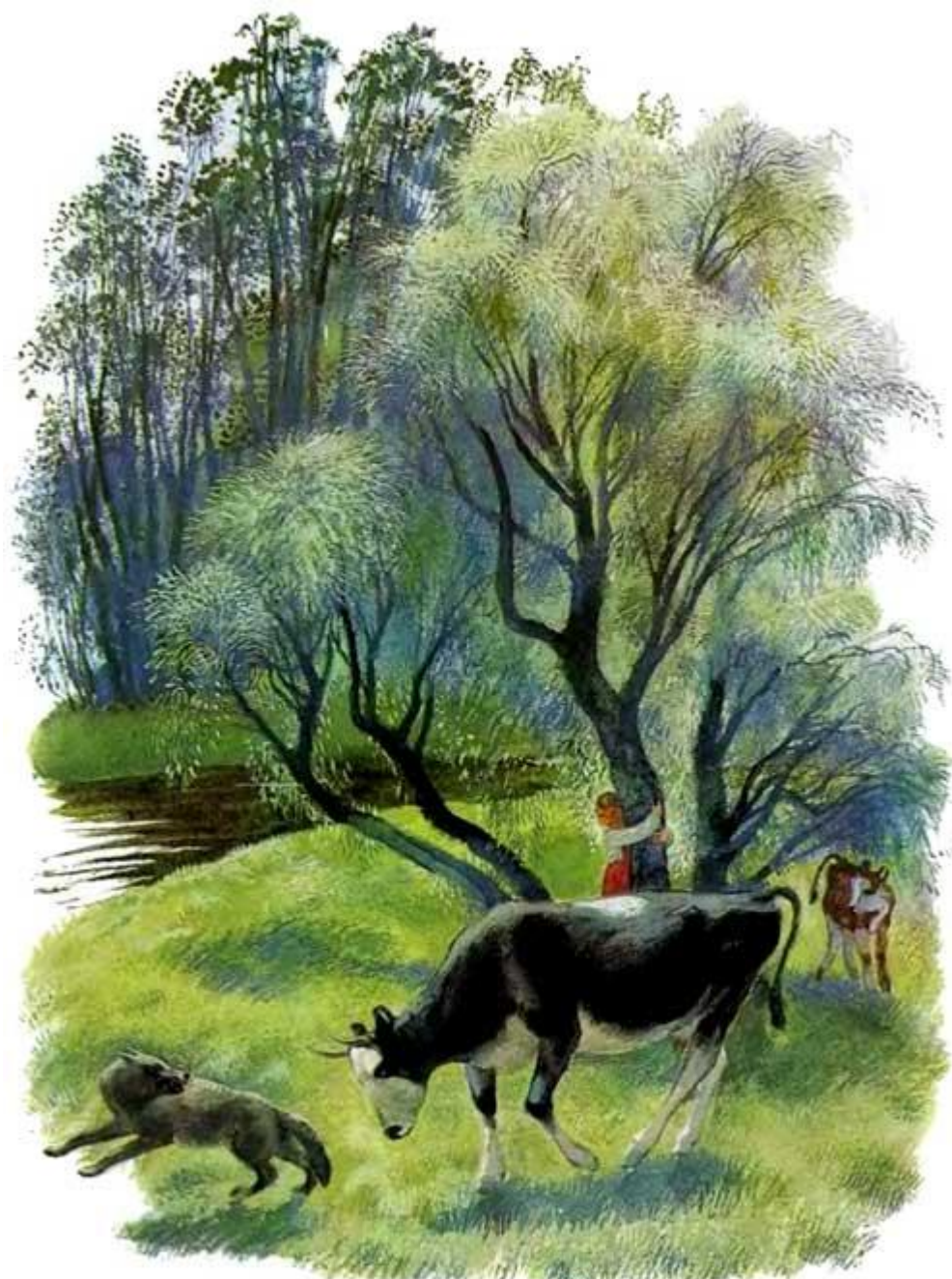

Глядит Феня что-то серое сквозь густой лозняк проридается, и покажись глупой девочке, что это наша собака Серко. Известно, волк на собаку совсем похож, только шея неповоротливая, хвост палкой, морда понурая, и глаза блестят; но Феня волка никогда вблизи не видала.

Стала уже Феня собаку манить:

— Серко, Серко! — как смотрит — телёнок, а за ним корова несутся прямо на неё как бешеные. Феня вскочила, прижалась к вербе, не знает, что делать; телёнок к ней, а корова их обоих задом к дереву прижала, голову наклонила, ревёт, передними копытами землю роет, рога-то прямо волку наставила.

Феня перепугалась, обхватила дерево обеими руками, кричать хочет — голосу нет. А волк прямо на корову кинулся, да и отскочил — с первого раза, видно, задела его рогом. Видит волк, что нахрапом ничего не возьмешь, и стал он кидаться то с той, то с другой стороны, чтобы как-нибудь сбоку в корову вцепиться, или теля отхватить, — только куда не кинется, везде рога ему навстречу.

Феня все ещё не догадывается, в чём дело, хотела бежать, да корова не пускает, так и жмёт к дереву.

Стала тут девочка кричать, на помощь звать... Наш казак пахал тут на взгорке, услышал, что и корова-то ревёт, и девочка кричит, кинул соху и прибежал на крик.

Видит казак, что делается, да не смеет с голыми руками на волка сунуться — такой он был большой да остервенелый; стал казак сына кликать, что пахал тут же на поле.

Как завидел волк, что люди бегут, — унялся, огрызнулся ещё раз, два, завыл да и в лозняк.

Феню казаки едва домой довели — так перепугалась девочка.

Порадовался тогда отец, что не отпилил корове рогов.

КОНЕЦ